

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган правления союза советских писателей СССР
Выходит под редакцией В. Вишневского, А. Кулагина,
В. Лебедева-Кумача, М. Лифшица, Е. Петрова,
Н. Погодина, А. Фадеева.

№ 59 (838)

26 октября 1939 г., четверг

Цена 30 коп.

ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ КАМПАНИЯ НАЧАЛАСЬ!

Через два месяца, 24 декабря, около ста миллионов граждан советской страны в третий раз придут к избирательным урнам, чтобы выразить свою волю — послать в местные органы власти — краевые, областные, городские, районные и сельские Советы депутатов трудящихся своих лучших представителей.

Выборы, которые пройдут в республиках 24 декабря, по своему размаху не имеют себе равных. Только в одной РСФСР должно быть избрано почти 850.000 депутатов. Легко представить себе, насколько велика и ответственна та работа, которую предстоит проделать всему населению нашей страны. Местные Советы депутатов трудящихся — огромная сила. Здесь, как в фокусе, преломляются все повседневные запросы и нужды населения, и понятно поэтому, что избиратели коренным образом заинтересованы в том, чтобы в местные Советы попали только энергичные, деятельные люди, глубоко преданные делу Ленина — Сталина, партийные и непартийные большевики.

Но успех выборов не является сам собой. Нет, как и в прошлые годы, придется немало поработать, чтобы всю избирательную кампанию провести в высокой степени организованно, как и подобает большевикам.

Опыт двух избирательных кампаний чрезвычайно велик. Известно, что советская интеллигенция, в частности один из ее отрядов — писатели, проработали большую агитационную и организационную работу. Многие литераторы входили в состав окружных и уездных избирательных комиссий, вели агитацию устным и печатным словом, разъясняли сущность советского демократизма, силу сталинского блока коммунистов и беспартийных, популярность выдвинутых на собраниях кандидатов в депутаты. Все писатели, работавшие в прошедших ранее избирательных кампаниях, расказывали об огромном моральном удовлетворении, которое они испытывали в процессе этой своей деятельности. Они видели, как под влиянием большевистского слова, буквально на глазах растут люди, они ошупали и собственными своим ростом от неперывного и повседневного общения с массами. Выборы в Советы явились большой политической школой и для избирателей и для активных организаторов и агитаторов кампании.

Но так как предстоящие выборы по своему масштабу значительно грандиознее, нужно будет каждому активному участнику избирательной кампании во сто крат усилить свою деятельность.

На местах, в Москве, Воронеже, Саратове, Харькове и в других городах, как это видно из печатаемых сегодня сообщений, писатели уже снова работают на участках. Писатели создают агитбригады, беседуют на квартирах с избирателями, готовят книги о лучших людях страны.

Позавчера началось выступление товарищей в окружные и уездные избирательные комиссии. В одной лишь РСФСР

должно быть выделено в эти комиссии 4 миллиона человек, а по всему СССР около 7 миллионов. Нет сомнения, что огромная масса советской интеллигенции войдет в эти комиссии. Пройдет еще немного времени, и трудящиеся начнут называть имена своих кандидатов в Советы. Какое огромное поле деятельности для всякого общественника, для всякого человека, живущего интересами народа! Писатели могут создать великолепные, художественные портреты людей, которых советские граждане хотят видеть своим высшим доверием, они могут расказать тысячам избирателей о всех богатствах, социальных, культурных и экономических, нашей страны. Они могут способствовать еще более сильному и быстрому росту новых социалистических качеств советского человека.

За то время, что отделяет нас от прошедших выборов, произошли крупные события внутри и вне страны. Вторая империалистическая война вступила теперь уже в свою орбиту миллионов массы людей в центре Европы. Стремление направить друг на друга советский и немецкий народы, так усиленно осуществлявшееся империалистами разных стран, было окончательно разбито благодаря мудрой политике, благородной величайшей прозорливости нашей партии и правительства. Весь мир увидел это, как увидел и силу интернациональных чувств советского народа. В труднейшую минуту для наших единокровных братьев в Западной Украине и Западной Белоруссии, 22 года угнетавшихся беззастенчивой польской шляхтой, Советский Союз протянул руку помощи и спас миллионы людей от бесправия, нищеты и вымирания.

Воодушевленные решениями исторического XVIII съезда партии, наш народ неустанно и энергично работает над выполнением планов третьей сталинской пятилетки, осуществляя постепенный переход от социализма к коммунизму. В этой работе он показывает новые примеры своего творческого героизма. Переход на многостепенное обслуживание, совмещение профессий, выдвижение женщин на работу в решающих звеньях предприятий — все это новые свидетельства творческой силы народа. Всех таких примеров не перечесть, но они дают богатейший материал для глубоких обобщений. Рассказать все это избирателю, помочь ему осмыслить эти явления, содействовать тому, чтобы в каждом таком отдельном факте избиратель увидел все победное движение к коммунизму — вот почетная задача агитатора.

Выборы в местные Советы депутатов трудящихся безусловно пройдут на высоком идейном и политическом уровне, под знаком еще большего сплочения нерушимого сталинского блока коммунистов и беспартийных, под знаменем морально-политического единства народов СССР. И в этой огромной, сознательной работе почетное место должно принадлежать писателям, «инженерам человеческих душ».

ОТВЕТ ПРАВИТЕЛЬСТВА СССР на Британские ноты от 6.IX и 11.IX 1939 г. по вопросам военной контрабанды

25 октября Заместитель Народного Комиссара Иностранных Дел СССР тов. Потемкин В. П. вручил Британскому Послу г. Сиджу следующий ответ Правительства СССР на Британские ноты от 6.IX и 11.IX 1939 г. по вопросам военной контрабанды:

Господин Посол, Народный Комиссар Иностранных Дел, по поручению Правительства СССР, имеет честь в ответ на ноты Британского Посольства от 6 сентября 1939 года и от 11 сентября 1939 года заявить следующее:

1. Установление односторонним актом Британского Правительства списка товаров, объявленных военной контрабандой в ноте от 6 сентября нарушает принципы международного права, нашедшие свое наиболее выражение в Международной декларации 1909 года, наносит тяжкий ущерб интересам нейтральных стран и разрушает международную торговлю.

Британское Правительство, включая в изданные им списки военной контрабанды такие предметы и товары, как топливо, бумага, хлопок, корма для скотского-хозяйственных животных, обувь, одежду и материалы для их изготовления и даже всякое продовольствие — хлеб, мясо, масло, сахар и другие виды пищевых продуктов — по существу объявляет контрабандой основные предметы массового потребления и создает возможность полного произвола в отношении к военной контрабанде всех предметов народного потребления. Это с неизбежностью ведет к глубочайшему расстройству снабжения мирного гражданского населения предметами первой необходимости, создает серьезную угрозу для здоровья и жизни мирного населения и судит неисчислимы бедствия для народных масс.

Общепризнанные принципы международного права, как известно, не позволяют подвергать мирное население, женщин, детей, стариков, бомбардировкам с воздуха. На том же основании Советское Правительство считает недопустимым лишать

мирное население продовольствия, топлива и одежды и, тем самым, подвергать всяким лишениям и голодной смерти детей, женщин, стариков и больных, путем объявления военной контрабандой предметов народного потребления.

Исходя из вышеизложенного, Советское Правительство заявляет о своем несогласии с нотой Британского Правительства от 6 сентября с. г. и отказывается признать за ней какую-либо силу.

2. Равным образом, Правительство СССР заявляет о своем несогласии с Британской нотой от 11 сентября с. г. и о непризнании какой-либо силы за этой нотой, сообщаемой об установлении Британским Правительством, в одностороннем порядке, системы досмотра торговых судов нейтральных стран в портах, специально для того выделенных Британским Правительством. Советское Правительство считает совершенно необоснованным и произвольным требование обязательности захода указанных судов в эти порты, подкрепленное к тому же угрозой принудительного прихода в последние. Такие мероприятия нарушают элементарные принципы свободы морского торгового судоходства. Не соответствуют они и Международной декларации от 26 февраля 1909 года, а также решению Международного Третейского Суда в Гааге от 6 мая 1913 года по делу французского парохода «Картаж».

Вместе с тем, Правительство СССР не может не заявить, что торговые суда СССР являются государственными судами и уже по одной этой причине не должны подвергаться каким-либо мерам принуждения, применяемым к частным торговым судам.

3. На основании вышеизложенного, Правительство СССР оставляет за собой право требовать от Британского Правительства возмещения убытков, наносимых организациями, учреждениям или гражданам СССР вышеуказанными мероприятиями Британского Правительства и действиями Британских властей.

Примите, Господин Посол, уверения в моем совершенном к Вам почтении.

Народный Комиссар Иностранных Дел СССР В. МОЛОТОВ.
Чрезвычайному и Полномочному Послу Великобритании Господину Сиджу Британского Посольства Москва.

В Львове

Львов надо писать по нескольку раз в день, так все меняется в нем со скоростью быстрой. Утром еще ни в одном книжном магазине нет украинских книг, а вечером — их сколько угодно. Владельцы частных библиотек утром выдвигали еще книги религиозного содержания, а в полдень рекомендуют социальные трактаты, чудом уцелевшие от глаз польской цензуры.

Газеты не поспевают за сотнями больших и малых событий, формирующих теперешние львовские будни. В первые дни привлекли внимание расклеенные на стенах коммунистаты (уже на трех языках — украинском, польском и еврейском) о приеме в школы. Коммунистаты кончались фразой: «Наука бесплатна».

Это действовало на всех как лозунг, а самый коммунист казался красноречивейшим агитационным плакатом, хотя вывешен был для деловой информации.

Теперь общий интерес сосредоточен на объявлениях о постепенной ликвидации безработицы. Весь город знает, что председатели львовской профбюро официально заявили, что к июню открытия Народного Собрания безработица будет ликвидирована. А до прихода Красной Армии во Львов насчитывалось до 20 тысяч безработных, и никто не знал, что с ними делать.

Но сейчас уже появился спрос на рабочие руки. Расширяются старые предприятия. Создаются новые. Узкие львовские улицы не справляются с движением транспорта — горю уже мал для той роли, которую ему придется играть в развитии Западной Украины. Львов — один из красивейших городов Европы. Его го- тические здания, его тенистые — в каштанах, кленах и вязах — улицы, его крохотные чистенькие площадки с обязательными памятником посередине, — все необычайно стильно, все сооружено в единой манере, немного, пожалуй, провинциальной, но очень культурной.

Во Львове много отличных, хотя и небольших, музеев, много книжных магазинов, в которых новинки европейской литературы представлены двумя-тремя экземплярами, главным образом для библиотек, потому что индивидуального покупателя было мало. Зато частных библиотек при книжных лавочках — множество. В украинской и русской книгарнях попадаются даже советские издания, потому что молодежь требовала книги о Советском Союзе, и все, что можно было протиснуть через польскую цензуру, главным образом детские издания, читались нархваст. Так, под маркой детского чтения, в русскую лавку пролезли книги А. Фадеева, В. Катаева, Г. Байдюкова, П. Павленко, изда-

ние наших Депздатом. Правда, они распространялись наряду с чудовищной чепухой парижских издателей.

Здесь много ученых с хорошими именами, и очень значительны литературные силы.

Львовская группа украинских писателей, насчитывающая такие имена, как Лысковский и Карманский, не увеличилась, зато польская приобрела много новых имен. Во Львове — Вацла Василевский, Владислав Броневский, поэт Леон Пастернак, поэт Адам Польско, во львовском воеводстве — Тувим и, говорят, в Западной Украине — Курек.

Это внешне, а есть еще 10—15 более скромных, но вполне литературно-весомых имен, которые избирают Львов местом своего постоянного жительства.

Исчезнувший бездарный режим панской Польши своим позорным падением только поднял духовную крепость польской творческой интеллигенции, а политический такт, с каким западноукраинская интеллигенция отнеслась к своим польским товарищам, еще более облегчил и упростила возможность тесного сотрудничества.

15 октября — об этом, наверное, было уже в московской печати — писательский Львов вышел на первый митинг к могиле великого украинца Ивана Франко и к памятнику великому поляку Адаму Мицкевичу. Впервые за всю совместную жизнь западноукраинских, польских и еврейских писателей Львова должно было произойти необыкновеннейшее событие — простой товарищеский разговор друг с другом.

Митинг писателей был полквачен рабочими. Тысяч пятнадцать народу пришло на кладбище, а затем на Марьинскую площадь, и слух об этом прокатился по всему городу.

В тот же день состоялся первый субботник железнодорожников. Началась волна школьных и заводских собраний.

Митинги студентов, врачей, гимназистов, инженеров, рабочих, торговцев.

Очень бурно на собраниях молодежь, где идут речь за днем горячие, страстные споры с ублюдками из реакционных спортивных обществ. Какие-то слыши со стальными прутьями в руках залезло уже не раз пытаясь спровоцировать местную молодежь, но всегда с большими убытками для себя.

К сожалению, на всех собраниях побывать невозможно. Очень трудно послушать дискуссии торговцев, — не удалось. Как раз в этот день собралась львовские актеры, из среды которых выдвинуто по городу три кандидата в депутаты — старейший украинский актер Трунак, молодая балерина Одарка Амброзиевна Немаяковская и режиссер польского театра Владислав Иванович Красновещий. П. ПАВЛЕНКО

Сообщение Комитета по организации выборов в Народное Собрание Западной Украины

22 октября 1939 года по всей Западной Украине происходили выборы депутатов в Украинское Народное Собрание. Выборы происходили на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании.

Выборы начались ровно в 6 часов утра. По общему окружным избирательным комиссиям по выборам в Украинское Народное Собрание, по всем городам, селам и поселкам Западной Украины, к 5 часам дня 22 октября проголосовало подавляющее большинство избирателей. В 12 часов ночи 22 октября выборы закончились.

Всего в Западной Украине имеется 5.858 избирательных участков и 1.495 избирательных округов.

По данным избирательных округов зарегистрировано избрано 1.484 депутатов из общего количества 1.495 депутатов, которые должны были быть избранными в соответствии с количеством созданных избирательных округов. Кандидаты, голосовавшие в депутаты в округах №№ 433, 326, 173, 172, 131, 354, 365, 345, — Луцкой области и по округам №№ 252, 380, 381 — Львовской области, получили каждый в отдельности меньше половины всех голосов, поданных по округу и признанных действительными. В соответствии со статьей 45 «Положения о выборах в Украинское Народное Собрание», кандидаты в депутаты по этим 11 округам, как не получившие абсолютного большинства голосов, т. е. больше половины всех голосов, поданных по округу и признанных действительными, считаются не избранными. В этих округах назначены новые выборы для избрания депутатов в Украинское Народное Собрание от этих округов.

По данным избирательных округов из общего количества 4.776.275 избирателей Западной Украины приняло участие в голосовании 4.433.997 человек, что составляет 92,83% от общего количества избирателей.

Бюллетеней, признанных участковыми избирательными комиссиями действительными на основании статьи 35 «Положения о выборах в Украинское Народное Собрание», оказалось 75.925. Бюллетеней, в которых зачеркнуты фамилии кандидатов, — 325.918. Во всех избирательных округах Западной Украины по выборам в Украинское Народное Собрание голосовало за кандидатов, выставленных крестьянскими комитетами, временными управлениями, собраниями рабочих по предприятиям, собраниями рабочей гвардии, собраниями интеллигенции, — 4.032.154 человека, что составляет 90,93% к числу голосовавших.

По данным окружных избирательных комиссий по Львовской области (бывшее воеводство) из 1.345.561 избирателей приняло участие в голосовании 1.232.466 человек, или 91,59% всех избирателей. За выставленных кандидатов голосовало 1.088.371 человек, или 88,30% принявших участие в голосовании. Бюллетеней, признанных действительными, оказалось 14.631. Бюллетеней, в которых зачеркнуты фамилии кандидатов, — 129.464.

По городу Львову из 268.382 избирателей приняло участие в голосовании 256.802 человека, или 95,68% всех избирателей.

Сообщение Комитета по организации выборов в Народное Собрание Западной Белоруссии

Закончены выборы в Народное Собрание Западной Белоруссии. Выборы происходили на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании. В выборах приняли участие все граждане Западной Белоруссии, достигшие 18-ти лет, вне зависимости от расовой и национальной принадлежности, вероисповедания, образовательного ценза, социального происхождения, имущественного положения и прошлой деятельности.

Весь личный состав частей Рабоче-Крестьянской Красной Армии, расположенных на территории Западной Белоруссии, не принимал участия в голосовании.

Всего по Западной Белоруссии было 929 избирательных округов и 6109 избирательных участков по выборам в Народное Собрание Западной Белоруссии.

По данным окружных избирательных комиссий зарегистрировано избрано 927 депутатов, являющихся кандидатами, выставленными крестьянскими комитетами, временными управлениями, собраниями рабочих по предприятиям, собраниями рабочей гвардии и собраниями интеллигенции.

В двух избирательных округах № 227 и № 239 Высоко-Мазовского уезда баллотировавшиеся кандидаты не получили абсолютного большинства. Поэтому, согласно статье 59 «Положения организации выборов в Народное Собрание Западной Белоруссии», в этих округах назначены новые выборы.

Из общего числа 2.763.191 избирателей в голосовании на выборах в Народное Собрание Западной Белоруссии приняло участие 2.672.280 избирателей, что составляет 96,71%.

Во всех избирательных округах в Народное Собрание Западной Белоруссии голосовало за кандидатов, выставленных крестьянскими комитетами, временными управлениями, собраниями рабочих по предприятиям, собраниями рабочей гвардии и собраниями интеллигенции, — 2.409.522 человека, что составляет 90,67% к общему числу участвовавших в голосовании.

Против кандидатов голосовало всего 247.245 избирателей, или 9,3%. Признано действительными всего 14.932 бюллетеня.

По Полесской области из 715.043 избирателей приняло участие в голосовании 708.049 человек, или 99,02%. За кандидатов голосовало 696.734 человека, или 98,57%. Против кандидатов голосовало 10.093 человека, или 1,43% общего числа участвовавших в голосовании. Признано действительными 1205 бюллетеней.

По городу Брест-Литовску из 44.622 избирателей в голосовании приняло участие 43.647 человек, или 97,82%. За кандидатов голосовало 41.831 человек, или 96,00%. Признано действительными 69 бюллетеней.

рателей. За выставленных кандидатов голосовало 240.068 человек, или 93,48% принявших участие в голосовании. Бюллетеней, признанных действительными, оказалось 1.631. Бюллетеней, в которых зачеркнуты фамилии кандидатов, — 15.103.

По Тарнопольской области (бывшее воеводство) из 1.074.387 избирателей приняло участие в голосовании 945.748 человек, или 88,03% всех избирателей. За выставленных кандидатов голосовало 875.169 человек, или 92,53% принявших участие в голосовании. Бюллетеней, признанных действительными, оказалось 33.566. Бюллетеней, в которых зачеркнуты фамилии кандидатов, — 37.013.

По городу Тарнополю из 27.317 избирателей приняло участие в голосовании 25.493, или 93,32% всех избирателей. За выставленных кандидатов голосовало 24.567 человек, или 96,36% принявших участие в голосовании. Бюллетеней, признанных действительными, оказалось 382. Бюллетеней, в которых зачеркнуты фамилии кандидатов, — 544.

По Станиславской области (бывшее воеводство) из 979.735 избирателей приняло участие в голосовании 941.830 человек, или 96,13% всех избирателей. За выставленных кандидатов голосовало 877.851 человек, или 92,2% принявших участие в голосовании. Бюллетеней, признанных действительными, оказалось 6.045. Бюллетеней, в которых зачеркнуты фамилии кандидатов, — 57.934.

По городу Станиславу из 49.990 избирателей приняло участие в голосовании 46.353 человека, или 92,72% всех избирателей. За выставленных кандидатов голосовало 43.671 человек, или 94,21% принявших участие в голосовании. Бюллетеней, признанных действительными, оказалось 42. Бюллетеней, в которых зачеркнуты фамилии кандидатов, — 2.640.

По Луцкой области (бывшее воеводство) из 1.376.592 избирателей приняло участие в голосовании 1.313.953 человека, или 95,44% всех избирателей. За выставленных кандидатов голосовало 1.190.763 человека, или 90,62% принявших участие в голосовании. Бюллетеней, признанных действительными, оказалось 21.683. Бюллетеней, в которых зачеркнуты фамилии кандидатов, — 101.507.

По городу Луцку из 31.075 избирателей приняло участие в голосовании 28.431 человек, или 91,49% всех избирателей. За выставленных кандидатов голосовало 26.308 человек, или 92,53% принявших участие в голосовании. Бюллетеней, признанных действительными, оказалось 170. Бюллетеней, в которых зачеркнуты фамилии кандидатов, — 1.953.

Красноармейские команды и полкитработники частей Украинского фронта, расположенных на территории Западной Украины, участия в голосовании не принимали.

Из 1.484 избранных депутатов 1.245 депутатов мужчин, женщин — 239.

Выборы в Украинское Народное Собрание, прошедшие под лозунгами, выдвинутыми в обращении Комитета по организации выборов в Украинское Народное Собрание, показали большую политическую активность, единую и единство воли населения Западной Украины, с рибством отлаженного своего голоса за кандидатов, выставленных народом.

ПРЕМЬЕРА ОПЕРЫ «ЛУСАБАЦИН»

На спектакле присутствовали товарищи И. В. Сталин, В. М. Молотов, А. И. Микоян, А. А. Жданов, Л. П. Берия, Г. М. Димитров

Вчера Армянский государственный театр оперы и балета им. А. Спендиарова показал премьеру своей четвертой постановки, включенной в программу декады, — оперу заслуженного деятеля искусств А. Л. Степаняна «Лусабацин» («На рассвете»), либретто которой принадлежит Т. С. Ахумян.

Опера «Лусабацин» отражает один из эпизодов востания трудящихся Армян против дашнакского правительства в мае 1920 года.

Спектакль, поставленный заслуженным деятелем искусств Л. А. Баландяром, был встречен с живым интересом. Авторам постановки удалось выразительно показать главное действующее лицо оперы — народ. Массовые сцены в исполнении отличного хора (хормейстер — заслуженный артист Армянской ССР В. А. Никольский) прекрасно подчеркивали драматическую сторону оперы.

Во многом способствовали успеху спектакля дирижер М. А. Тавризиан, мастер-

ски ведущий оркестр, и художник — заслуженный деятель искусств М. А. Арутюнян, создавший оформление постановки в строгих, монументальных формах.

Яркие запоминающиеся образы большевика Григора и его невесты Аревик создал артист П. К. Лисицян и артистка А. А. Азиян, обладающие великолепными вокальными данными. Тепло встретили присутствующие исполнители остальных ведущих ролей М. Г. Сельмар, Д. М. Погосян, Р. Т. Вагсаряна, Н. Н. Сердобова, заслуженного артиста Армянской ССР А. Д. Карагова, А. А. Авакяна, А. Е. Тер-Абрамяна и др.

Бурными аплодисментами сопровождалась финальная сцена оперы, когда партизанский отряд выступает в поход против дашнаков.

На спектакле присутствовали товарищи И. В. Сталин, В. М. Молотов, А. И. Микоян, А. А. Жданов, Л. П. Берия, Г. М. Димитров.

(ТАСС).

Созыв Народного Собрания Западной Украины

Львов, 24 октября. Созыв Народного Собрания Западной Украины назначен на 26 октября 1939 года, в городе Львове.

Созыв Народного Собрания Западной Белоруссии

Белосток, 24 октября. Комитет по организации выборов в Народное Собрание Западной Белоруссии вынес следующее постановление: созвать Народное Собрание Западной Белоруссии 28 октября 1939 г. в городе Белостоке.

Разработка литературного наследства А. М. Горького

Отделение литературы и языка Академии наук СССР заслушало вчера на очередном заседании отчетные доклады руководителей институтов о плане научно-исследовательских работ в будущем году. Академик П. Е. Лунин сообщил, что в 1940 г. Институт мировой литературы уделяет особое внимание разработке литературного наследства А. М. Горького. Будут подготовлены к печати два тома «Архива А. М. Горького», содержащие неопу-

бликованную прозу и письма Алексея Максимовича.

В связи с 150-летием выхода в свет «Путешествия из Петербурга в Москву» будет подготовлена монография о жизни и творчестве Радищева.

Готовится к печати ряд исследований творчества М. Е. Салтыкова-Щедрина и Л. Н. Толстого. Выдет также учебник истории новейшей западной литературы для высших учебных заведений. (ТАСС).

Агитационные бригады писателей

Предстоящие выборы в местные Советы депутатов трудящихся — серьезная и большая проверка боевой работы каждой партийной организации, каждого коммуниста. Партийная организация правления союза советских писателей возглавляет агитационно-массовую работу по восьми избирательным округам: в шести по выборам в Краснопресненский районный Совет и в двух — по выборам в Московский городской и областной Советы депутатов трудящихся.

Используя опыт прошлых выборов в Верховные Советы СССР и РСФСР, партийная организация ССП для предвыборной агитационно-массовой работы среди избирателей привлекает большую группу писателей. Созданы агитационные бригады для нескольких домов. При партийной организации образован агитколлектив, который возглавляет тов. Хмара.

Среди писателей, выделенных для работы в качестве агитаторов в 40 домов, — 70 коммунистов, 14 комсомольцев и 76 беспартийных товарищей. Все агитаторы входят в 20 бригад, во главе которых поставлены товарищи, имеющие опыт работы на избирательных участках.

Большинство агитаторов не прекращают своей деятельности со времени последних выборов. Но не все агитаторы с тех пор работали бесперебойно. Некоторые имели длительный перерыв после окончания выборов в Верховные Советы СССР и РСФСР. В последнее время почти во всех домах работа оживилась, а в некоторых из них поставлена образцово.

В доме № 8 по Б. Ржевскому переулку проживает 721 человек. Здесь активно работает агитбригада, руководимая тов. Лузинным. Большинство членов бригады работает среди населения дома без перерыва с 1937 г. Все жильцы прекрасно знают своих агитаторов, с большой охотой и регулярно посещают занятия в кружке по изучению «Положения о выборах». Часто на занятиях кружок читаются открытки из художественных произведений, и беседы проходят очень оживленно, при большой активности слушателей. Периодически устраиваются доклады на междунациональные темы, силами домашних хозяйств выпускается стенная газета. Уже вышло восемь номеров.

Свою деятельность агитаторы вывели за пределы кружка. Они провели интересную экскурсию на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку для 75 домохозяйек. После экскурсии участники ее простыми, но яркими словами рассказали в «Родной газете» о могучем росте нашей страны, сравнили виденное с тем, что было на сельскохозяйственной выставке 1923 года.

Массовость всех мероприятий обеспечивается тем, что писатели-агитаторы этой бригады тт. Чалая, Фомы, Бернадский и другие умело строят свою работу, регулярно общаются с избирателями, отвечая каждому за работу в 8—10 квартирах.

Хорошо работает и агитационная бригада комсомольцев-поэтесс Е. Шевелевой в доме № 15/2 по Большой Молчановке, где проживают 700 человек.

В красном уголке дома агитбригада проводит ежедневно какое-либо массовое мероприятие: беседы, встречи, доклады; регулярно занимается санитарный кружок домохозяйек. Не ограничивая свою деятельность только подготовкой к избирательной кампании, т. Шевелева с бригадой создала актив и с его помощью организовала художественную самодеятельность. По инициативе бригады при доме создан родитель-

ский комитет, ведется борьба с беспорядочностью работ. Благодаря этим мероприятиям прекратились случаи хулиганства. Теперь ребята увлечены драмкружком и своими силами готовят спектакль «Юнкеры», помогают выпускать стенгазеты, собирают для нее материал и вообще всемерно стараются проявлять свою активность, оказывают помощь агитбригаде.

Большинство писателей-агитаторов относится к порученному им делу с энтузиазмом, активно работает на избирательных участках. Таковы бригады тт. Гибет, Коробельникова, Петрашевца, Митрофанова, Вакса. Хорошо работает по Б. Ржевскому пер. д. № 13, агитбригада тов. Пасынка. Бригаде помогает созданный еще с 1937 года актив домохозяйек, часть из которых регулярно посещает районный лекторий, работает в редколлегии стенной газеты.

Некоторые из агитаторов, выделенных на заседании партбюро, работают еще слабо. Так, агитбригада тт. Платошкина и Алетина должна вести работу в доме № 19/12 по Борисовскому переулку. Однако беседы проводятся здесь случайно, актив вокруг бригады не создан. Также слабо работают выделенные агитаторы тт. Безыменский, Швецов, Аврущенко и, что удивительно, т. Санников, хорошо работавший в прошлую избирательную кампанию.

Совершенно безответственно относится к порученному делу тт. А. Коган и А. Ситковский. Последний считает, что ему некогда заниматься работой среди населения, так как он «перегружен собственной творческой работой».

Партийное бюро должно организовать социальное соревнование между агитбригадами. Пока только бригады Бухадшова—Петрашевца и Шевелевой — Гибет соревнуются между собой.

Писатели, работающие на избирательных участках, творчески и политически растут. Наиболее активно проявившие себя на этой работе тт. Шевелева и Петрашевца подали заявления о желании вступить в партию и уже приняты в кандидаты ВКП(б).

Бюро парторганизации ССП должно так улучшить работу агитколлектива, чтобы писатели-агитаторы всецело чувствовали четкое руководство, еще глубже обогащали себя знанием и опытом. Надо шире организовать цикл квалифицированных докладов для агитаторов, лекций, консультаций, провести вечера обмена опытом.

В Москву приезжают советские писатели, побывавшие в Западной Украине и Западной Белоруссии. Совершенно правильно поэтому решил агитколлектив по мере приезда этих товарищей привлекать их для бесед с избирателями о впечатлениях от поездок.

Подготовка к выборам в местные Советы депутатов трудящихся является для агитаторов хорошей большевистской школой. Активно и плодотворно работая на избирательных участках, они помогают добиваться новых побед сталинского блока коммунистов и беспартийных.

Б. БАСС

БОЛЬШАЯ ШКОЛА

Недавно на открытом партийном собрании харьковской организации ССП широко обсуждался вопрос об участии писателей в предстоящей избирательной кампании.

Работы предстоит много. Уже сейчас многие писатели приступили к написанию ряда очерков о знатной молодежи Кагановичского района Харькова для издания отдельным сборником. Писатели обязались всечески помогать районным и городскому комитетам КП(б)У в выпуске листовок, брошюр к выборам. Областной Радиокомитет организует ряд выступлений писателей у микрофона.

В ближайшее время писатели заслушают отчеты своих депутатов о их деятельности в горсовете и райсоветах и начнут готовиться к выдвижению кандидатов в местные Советы депутатов трудящихся.

На этом же партийном собрании были переведены из кандидатов в члены КП(б)У поэт Степан Крижановский и молодой писатель Марк Черняков.

Д. ВИШНЕВСКИЙ

ПИСАТЕЛИ НА ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ УЧАСТКАХ

(От наших корреспондентов)

ВОРОНЕЖ

В Воронеже писательская общественность начала готовиться к выборам в местные Советы депутатов трудящихся. Писатели Г. Рязанов и М. Сергеев работают агитаторами на бывших избирательных участках. П. Прудковский руководит семинаром пропагандистов.

Коллектив воронежских писателей занял о своем желании работать над агитплакатами, посвященными кандидатам в депутаты местных Советов.

Областное издательство выпускает массовым тиражом отдельные рассказы воронежских писателей, которые смогут служить полезным материалом для агитаторов. Намечены к выпуску: «Сын родины» М. Булавина, «Дальневосточная поэма» В. Далева, «Линия жизни» В. Петрова, «В старой усадьбе» и «Хозяин» М. Сергеева, очерк М. Амстистова «Обстроговск».

ЯРОСЛАВЛЬ

Ярославское литературное объединение активно готовится к избирательной кампании. Секретарь объединения т. В. Смирнов руководит семинаром агитаторов редакционной областной газеты «Северный рабочий». Поэт М. Лисьянский и член литобъединения т. Быстров работают агитаторами среди избирателей города. Члены литературного объединения тт. Лосев и Бондарев привлечены к агитационной работе в качестве докладчиков по вопросам международного положения.

К концу октября состоится набор литературно-художественный сборник, посвященный выборам. В сборнике будут напечатаны рассказы А. Кузнецова — «Спор о медицине», «По Шекспиру», «В гостях у соседа», отрывок из повести В. Соколова «Сыновья», очерк учителя Н. Голубина «Выборы волостного старшины», стихи: М. Лисьянского, В. Немцевича, С. Сергеева, В. Шульженко, Е. Старшинова, А. Груздева и Н. Михайлова, а также очерки М. Харина, Л. Бондарева, С. Колосницкая, А. Черток, А. Сухова, А. Флягина — о передовых людях Ярославской области.

Кроме того, члены литобъединения подготовили к печати книгу по истории и современному состоянию городов области: П. Лосев — о Ярославле, С. Рейпольский — об Угличе, А. Голубев — о Рыбинске и К. Абатуров — о Галиче.

Ленинградский художник-баталист И. А. Владимирова закончил картину «Крестьяне Западной Белоруссии ведут под конвоем польских офицеров». На снимке: картина художника И. А. Владимирова.

Замечательная находка

(Рукопись «Пира во время чумы»)

«Вот вам, любезный барон, Пир во время чумы из Вильсоновой трагедии à effets», — писал Пушкин в октябре—ноябре 1831 г. бар. Е. Ф. Розену, посылая ему рукописные драмы для публикации ее в альманахе Розена «Альциона». По копии с этой рукописи «Пир» и был напечатан в альманахе, самая же рукопись считалась утраченной до 1910 г., когда в московской газете «Раннее утро» (№ 16 от 21 января) появилась заметка Д. С. Соколова «Находка рукописи А. С. Пушкина «Пир во время чумы» с факсимильным воспроизведением первой странички рукописи (24 стиха из общего числа 239). В заметке сообщалось, что рукопись «Пира», принадлежавшая Розену, «найден» артистом театра Корна А. И. Чарным, по словам которого в рукописи «Пира» в колонке, в которой была заключена рукопись, Д. С. Соколов прочел: «Полностью рукописи поэта А. С. Пушкина, подаренная мне в 1853 году поэтом, бароном Е. Ф. Розеном, автором либретто оперы «Жизнь за царя...» (Затем, — сообщил Соколов, — следует надпись владения — начальная буква имени «Ф» и фамилия, неразборчиво подписанная, по-видимому, «Горохин»). На полях рукописи так же поднес, уже распечатанная по словам, «Теперь эта рукопись продается», — указывалось в заметке. Через несколько дней после появления заметки Соколова в газете «Утро России» сообщалось, что Румянцевский музей предлагает за рукопись пятьсот рублей, но Чарин не согласился продать ее за эту цену. В 1919 г. Чарин умер, и так осталась неизвестной рукопись «Пира», оставшаяся неизвестной».

В 1934 г. Л. В. Модзалевский в статье «Исчезнувшая рукопись Пушкина» («Звенья», кн. III—IV) на основании заметки Соколова, сообщившего несколько первоначальных вариантов, «реконструировал» небольшую часть рукописного текста, редактору же драмы в академическом издании собрания сочинений Пушкина пришлось ограничиться лишь воспроизведением факсимильного снимка из «Раннего утра» и теми сведениями о тексте, которые имеются в заметке Соколова. И вот на днях совершенно неожиданно рукопись, принадлежавшая Розену и бывшая у Чарина, снова «нашла». Владелица ее оказалась вдова врача Т. И. Горюнского, племянника того самого Фед. Вн. Горюнского (а не Горохина, как предположительно прочел в 1910 г. Д. С. Соколов),

которому рукопись подарил в 1853 г. Розен.

Рукопись 17 октября приобретена, при энергичном содействии К. О. Шмидта и А. Т. Поляковой, Государственным музеем Пушкина.

Рукопись «Пира во время чумы» значительна не только как новый автограф Пушкина — текст, написанный его рукой, хотя и известный уже в печати. Значение этой рукописи повышается тем, что она несет на себе довольно значительные следы творческой работы поэта. Рукопись представляет собой не черновик, а дает перебранный текст с многочисленными поправками, т. е. отражает только последнюю стадию работы Пушкина над «Пиром», непосредственно предшествующую окончательной редакции. Однако, поскольку ни одной черновой рукописи «Пира» мы не имеем, и тот текстологический материал, который дается belowком, представляется собой весьма большой интерес.

Прежде всего рукопись дает возможность внести некоторые мелкие уточнения в основной текст «Пира», как теперь выписывается, напечатанный при жизни Пушкина не вполне исправно. Особенно пострадала пунктуация: в печатном тексте появился ряд произвольных восклицательных знаков, точек с запятой и т. п., отсутствующих в рукописи и подчас явно нарушающих ритмический и интонационный рисунок «Пира». Кроме того, в рукописи имеются в двух местах текстовые исправления, относительно которых может быть поставлен вопрос, пушкинской ли рукой они сделаны.

Однако наиболее значительной и интересной частью рукописи являются те довольно многочисленные первоначальные варианты, которые записаны и тут же отменили Пушкиным в процессе выработки им основного текста. В рукописи имеется свыше пятидесяти таких вариантов.

Как известно, «Пир во время чумы» представляет собой перевод одной сцены из пространной, трехактной «драматической поэмы» английского поэта Джона Вильсона «Город чумы» (The city of the plague).

Перевод в большей своей части сделан весьма близко к подлиннику (местами он почти подстрочен), но сделан он Пушкиным. Из всей весьма разнузданной поэмы Вильсона Пушкин оставил только свое творческое внимание на одном только фабульном моменте. Однако момент этот выбран и дан Пушкиным таким образом, что представляет собой наивысшую психологическую кульминацию всей пьесы. Самая часть Вильсона подчеркивается в «Пире» замечательной, поэтичной «пушкинской» чеканкой и шпифовке, в основном направленной к предельной лаконичности. Наконец, в двух узловых местах пьесы — песне Мери и знаменитом гимне предостережения «Пира» — Пушкин настолько далеко отходит от подлинника, что обе песни могут с полным правом считаться вполне самостоятельными его созданиями. В результате «Пир» представляет собой, помимо всего остального, единственное в своем роде поэтическое чудо. Внешне почти во всем (за исключением «Песни» и «Гимна») следуя английскому подлиннику, Пушкин в своей переработке возносит отрывок из ничем особенно не выделяющегося произведения Вильсона на высоту одного из изумительнейших творений мировой литературы.

Не показывая, в силу своего безоговорочного характера, всего процесса работы Пушкина над «Пиром», рукопись дает, однако, ряд очень интересных примеров и образцов этой работы.

Наибольшая часть вариантов (двадцать шесть, т. е. половина всего числа их) падает на самые самостоятельные части сцены: девять вариантов в песне Мери и всего в тридцати шести стихах гимна чуме — целых семнадцать вариантов.

Для отмен первоначальных вариантов связи с чисто стилистической обработкой «Пира» — стремление к максимальной отшлифовке формы. Однако наиболее интересные являются те варианты, которые вызваны стремлением Пушкина придать тексту наибольшую психологическую остроту, выразительность, соответствующую общему тональности и колоритом вещи, духом замысла.

Так, первоначально стихи 45—51 (в песне Мери) читались:

Поминутно мертвых носят
При рыданиях живых,
Поминутно бога просят
Упокоить души их.

Два средние стиха Пушкин переделывает:

И стнания живых
Болзливо бога просят.
«Болзливо» — потому что «живые» в ужасе от чумы, в частности, боятся заразиться от своих же мертвых.

Ст. 60—61 читались:

Я молью, не приближаясь
К гробу Дженни ты своей.

Исправление Пушкина внесло гораздо большую психологическую остроту «к гробу Дженни ты своей», что непосредственно связано с последующим «Уст умерших не касайся».

В стихах 70—71 уничтожается ненужный по контексту эпитет, в то же время стихи приобретают большую точность. Сперва было:

А Эдмонда не покинет
Дженни в вечных небесах.
Последний стих исправлен: сперва — «Дженни в самых небесах» и окончательный — «Дженни даже в небесах».

Интересно в той же «Песне Мери» первоначальное чтение ст. 36—37:

Ребятишек в сельской школе
Раздавались голоса.

Первый стих исправляется: «Ребятишек в шумной школе» (веселый шум летящих голосов контрастирует с последующим мертвым молчанием в той же школе во время чумы). Наконец следует новое, окончательное чтение: «В шумной школе» (написано явно позднее).

В ст. 162 («Гимне Чуме») изменен первоначальный стих: «И все, что гибелью грозит» на «Все, что гибелью грозит» — сообщает и стиху и смыслу особую энергию.

Следующий стих первоначально читался: «Нам наслаждения таит, затем Пушкин исправляет: «Для сердца смелого таит незримым наслажденьем» и, наконец, «Для сердца смертного», что перекликается с последующим: «Всесмертья, может быть, залог».

Следующие два стиха сперва читались:

И тот блажен, кто средь волнения
Из обрести мгновенно мог.

Исправлено:

И счастливы тот, кто средь волнения
Их обрести и ведаю мог.

Ст. 172: «И юной девы пьем дыханье» (сперва он был начат: «И нем...») исправляется на «И девы-розы пьем дыханье».

Отметим еще два варианта из остальной части «Пира».

Переведя сначала (ст. 30—31) буквально из Вильсона —

тот, кто от земли
Был отлучен каин-то сном небесным,

Пушкин исправляет это выражение, — очень уместное в устах «безбожного» предостережателя:

Был отлучен какин-нибудь виденьем.

Характерны поиски Пушкиным менее напыщенных, более простых и в то же время поэтических интонаций. В стихах 229—231:

О, если б от оцей же бессмертных
Скрыть этот вид. О, некогда меня
Она считала чистым —
Он мненил вторую струку;

Скрыть это зрелище! Меня когда-то
Она считала и т. д.

Находка автографа «Пира во время чумы» — большая радость для науки. Рукопись Пушкина после его смерти разошлась по частным рукам и копилась в самую различную судьбу; многие рассказы по разным городам и странам, немало число было затеряно.

Затем начались процессы медленного и подчас весьма трудного собирания рукописей в государственные хранилища. Особенно усилился этот процесс в годы после Октябрьской революции. Ничто не может считаться почти завершенным. Постановлением правительства все пушкинские рукописи сосредоточиваются в Государственном музее Пушкина, что создает наилучшие условия для их научного изучения.

Д. БЛАГОЙ, С. БОНДИ, Г. ВИНОКУР, О. ПОПОВА, У. ФОХТ, М. ЦВЕТОВСКИЙ

Эдгар Аллан По

Они выходили параллельно во времени: романы Фенimore Купера и рассказы и повести Эдгара Аллана По. Купер рассказывал о необыкновенных приключениях белых среди красных (индейцев). Эдгар По говорил о психологических приключениях, о необычайных авантюрах мысли.

В одном из романов Ф. Купера является образ «Кожаного Чулка», рыцаря, ничто не страшилось и никого не упрекало, который и говорит и стреляет без промаха. Дана сцена перелета птиц, когда над прерией пролетают сплошным живым потоком птицы. Все охотники бьют, не пелаясь, в миллионприлугу тушу. Кожаный Чулок стоит, не снимая с плеча ружья; затем, когда «любимый душка» спрашивает, почему он брезгает участием в общей охоте, Кожаный Чулок говорит: «Вот тот, крайний, отстающий от стаи». Выстрел — и отстаившаяся от стаи птица падает на землю. Так охотятся за сюжетами и гениальный Эдгар По. Он берет всегда только по крайнему, отстаившемуся от стаи сюжету. И всегда без промаха.

В молодой по тому времени (Э. По писал в тридцатых и сороковых годах прошлого века) американской литературе Э. По принадлежит почти во всех жанрах. Основные: фантастическая повесть, повелла (здесь он особенно силен), баллада.

Напомню два его рассказа, в которых автор сам вскрывает основные элементы своей поэтики: это — «Ангел необычности» и «Бес зрелищности». Бесом извращенности он называет ту силу, которая подводит человека к самому краю пропасти и заставляя заглянуть в нее, дьявольское любопытство, которое может толкнуть на преступление, чтобы посмотреть, «как это получится», страсть к эксперименту, не останавливающуюся ни перед чем.

Ангел необычности представлял читателю в виде фантастического существа на бочкообразных ногах с длинными бутылками вместо рук; существо это наполнено сентиментальными и кирпассером; говорит будничными словами, вырывающимися из стальной глотки попеременно с пугающими пантомимой. Этот бескрылый «ангел» воплощает, по замыслу По, озорство человеческой фантазии, противоположающей теории вероятности своего рода поэтическую «теорию невероятности».

Так или иначе. Э. По всегда у края возможности, у предельной черты. У него нет стихов на обычную тему «сон», но есть стихотворение: «Сон во сне». Английская поговорка говорит: «Никогда (Never) — это очень долгий день»; по «никогда» (Never), которым заканчивают почти все строфы известной пьесы По «каркающий ворон», — это не долгий день, а черная вечная ночь.

В одном из своих остроумнейших рассказов мастер парадокса разрабатывает законченный цикл «1001-й ночи», пробуя дать вторую историю Ночериалы.

В замечательном рассказе о «Рукописи, найденной в бутылке», описан рейд странного корабля, уносимого южным полярным течением к фантазии автора к полюсу, достигнуть которого в те времена было вне возможности навигационной техники. Но, выйдя за пределы возможности, Э. По уже на пятой странице повествования выходит и за пределы образов, первоначально им намеченных: страшным ударом волны герой рассказа переброшен на палубу еще более странного — приходится сказать чудесного — корабля, который идет не к полюсу, а к истине. Деревянные ребра его пористы, они дышат, как тело усталого, но живого пловца; трюм корабля полон старых и новых карт и лопат. Курс его держит селоватосей капитан, вот уже тысячи и тысячи лет плывущий полуса истинный.

Но надо прямо признать, что в помощь себе Э. По берет зачастую (возьмем, например, его философские рассказы-диалоги) плохого спутника: местину.

Писатель раскрывает причину новеллистической формы своего творчества в эпиграфе к одному из своих малословных произведений:

Тому осталось жить одно мгновенье,
Тому уж лечего скрывать.

Э. По — мастер новеллистического стиля. Особенность его техники заключается в том, что произведение его очень кратко, по словаришь необычайно широк. Э. По нехватает английского языка, он взорвет неологизмы, мало того, — берет горстями из древних и новых языков сотни новых звучаний. Нужно сделать все, чтобы новелла, прежде чем кончится ее трехстраничная жизнь, успела высказаться до конца.

Американец Э. А. По жил в стране и в эпоху, мало соответствующую его умонастроению. Америка тяготела к авторитаризму Франклина и Бенжамин. Франклин тщательно изготовил ряд формул и стал создателем «умеренной жизни»; Бенжамин, создатель «утилитаризма», считался правильное действие как результат сложения и вычитания мотивов поведения.

Нью-Йорк, столица Нового Света, был расчерчен, как шахматная доска, и улицы его обозначались не именами, а цифрами. Эдгар По все это было чуждо. Правда, в своем провозном трактате «Мошенничество как одна из точных наук» он признает, что масштабы «финансовых операций» какого-нибудь банщика и отечественной кражи мелкого карманного ворши соотносятся между собой, «как хвост кометы к хвосту свиньи», но в остальных признаках он считает и финансиста и охотника за чужими кошелеками людьми одного нелепостремления. Бенжамин да Э. По — это «большой человек на малые дела» (Маркс определял его как большого оракула ограниченного сознания буржуа), а ролина представляется ему страшной, которой правит «аристократия долларов», припешая на смену «аристократии крови».

Теодор Банвиль, который был лишь немногим старше Э. По, в своем стихотворении «Прыжок с трамплина» говорит о клоуне в шестром наряде, который, стоя у

90 ЛЕТ
СО ДНЯ СМЕРТИ

трамплина, окруженный любопытной толпой, делает свой первый прыжок. Пружина трамплина бросает его выше кровель всех домов, выше всех рекордных цифр, и толпа, рожкоулая, кричит «браво». Но мастер прыжка этого мало, и среди шума зрителей он обращается к своему старому верному трамплину, прося его дать ему такую высоту, где бы он мог не видеть всех этих «бакалейщиков и потанцовов». Второй прыжок: пестрое тело взлетает над домами, струнлившимися вокруг площадки, скользит сквозь облака — и толпа, подняв головы вверх, титно ждет возвращения исчезнувшего мастера прыжков.

Первый прыжок был для современника Э. По написан довольно много рассказов, пользовавшихся успехом еще при его жизни. Это были «экстравагантцы», как они их сам называл, легкая и небрежная игра с образами и абстракциями, не слишком расхолажившаяся с американским вкусом ко всему экзотическому, разрывающему, но не слишком резко, привычные орбиты мнений и событий, не слишком, разумеется, важных.

Во второй прыжок — от крыш к звездам — был сделан не для пуха, а для нас, людей грядущей эпохи. И первое, что мы должны сделать, — это точно и объективно изучить кривую этого прыжка.

Ведь Эдгар По был единственным белоглазым 40-х гг., который ставил перед литературой (в лучших своих вехах) чисто научные и философские проблемы. Самым методом его изложения математически точен, алгебраичен. «Эксперимент в уме» (термин проф. Кельвина) проводится почти всегда с необычайной последовательностью.

Его лаборанты — «демон» и «ангел необычности» подают ему как раз те слова, которые нужны.

Наша советская литература, чуждая «развлекательству», стараясь прогнать в глубины жизни, прослушать ее дыхание, дать ее читателю в образах, точных, как формула, не может пройти мимо изумительной писательской техники Э. По.

Памяти Лу Синя

19 октября исполнилась трехлетняя годовщина со дня смерти великого китайского писателя Лу Синя.

Писатель-реалист и революционер Лу Синь сыграл огромную роль в освободительной борьбе и культурной жизни своего народа.

Лу Синь оставил громадное литературное наследие. Его художественная проза (два сборника рассказов — «Клики» и «Блуждания») принадлежит к лучшим страницам современной китайской литературы. Но, кроме того, Лу Синь — боевой публицист, автор страстных и глубоких по мысли памфлетов. В последний период своей жизни Лу Синь твердо стоял на позиции марксизма-ленинизма и являлся признанным руководителем пролетарского литературного движения в Китае.

Лу Синь был пламенным другом СССР, хорошо знал и любил русскую классическую и советскую литературу и много

сделал для ознакомления Китая с нашей культурой и литературой.

В Китае был образован Международный комитет по увековечению памяти Лу Синя, в котором СССР представлен А. Фадеевым и А. Серафимовичем. В прошлом году комитет выпустил полное собрание сочинений Лу Синя на китайском языке в 20 томах.

В настоящее время выпускается на русском языке одотомный избранный произведений Лу Синя, состоящий в основном из переводов двух его сборников «Клики» и «Блуждания».

Память Лу Синя благоговейно чтит китайский народ. В третьем томе жизни его смерти в Чунчине было организовано национальное траурное собрание, на котором выступили с речами представители ЦКК Гоминдана Вань Кун-шань и представитель ЦКК китайской компартии Ван Мин.

Несамостоятельное произведение

Повесть Б. Дальнего «Оловянные солдатики», напечатанная в шестом номере альманаха «Литературный Воронеж», является разбором, во-первых, потому, что это произведение дает возможность определить, что представляет собой несамостоятельное письмо, во-вторых, потому, что в примере видно, к чему приводит дубочное представление о прошлом нашей страны и революции.

Действие повести происходит в 1916 году, в юнкерском училище. Автор сразу знакомит нас с его обитателями. Он живо озабочен тем, чтобы немедленно вручить каждому из персонажей какой-нибудь описательный знак. На двадцати строчках перед нами проходит пять человек, о каждом из них говорится что-либо незначительное, и ни одного из них не узнаешь читателю разглядеть, как не узнаешь впоследствии знающего всю массу участников, впрочем слабых примечательности, но не литературного свойства. О первом сказано, что он — щеголеватый-попугаватый брянет с гладко выбритым лицом, о втором, что он — гимнастерка, которая сидит тесно на его тшешуном корпусе, о третьем, что он — широкоплечий, о четвертом, что его маленькая голова потонула в огромной фуражке, и наконец, о пятом, что он — изящный и у него бабы лицо.

Следует отметить приема механического, то-есть несамостоятельного письма, автор все время продолжает выводить вступающих в действие участников пушечными, канцелярскими характерными приемами и сам забывает о них. Механизм внешних описаний работает у Б. Дальнего настолько упрощенно, что, представляя читателю двух женщин, основных героинь повести, автор называет одну бронетой с лукавым выражением лица, а вторую — блондинкой с пепельными волосами, причем обеих зовут Марусями, одну Марусей ВЗ, другую — Марусей ДЗ.

Что касается внутреннего мира персонажей, то тут мы уже имеем дело не только с механическим, несамостоятельным письмом, но и с вульгарным представлением об изображаемой эпохе.

Что хочет рассказать Б. Дальний? Было юнкерское училище, и туза в общество белопопугавочников и буржуазных молодых людей попал юнкер из белой семьи — Андрей Меткий. Так как он интеллигент, то, разумеется, он и жалал революцию и в чем-то колебался. Но в училище он познакомился с большевиком Согнибеда, влияние которого оказалось сильным. В конце повести юнкер Меткий срывается на стороне солдат против реакционной офицерства.

Все офицеры в повести — дикари или тупицы, вместо социального анализа автор занимается сортировкой анекдот. Я бы посоветовал ему прочитать роман С. Сергеева-Ценского «Массы, машины, стили». В этом романе, написанном настоящим художником и широко изображающим офицерскую среду, мы видим, насколько сложней и драматичней обстоит дело в жизни, и как это непохоже на те дубки из военного бытия, которые взялся приумозагать и Б. Дальний.

Автор «Оловянных солдатиков» (кстати, само название повести, всячески, с назойливостью комментируемое Б. Дальним, говорит об ошибочности его представления о старой армии) спешит зарегистрировать не только внешность, но и политические убеждения персонажей. Механическая манера письма и неглубокое мышление видны в каждой строчке. К Андрею подошел студент, настроенный монархически. Он, конечно, каравант. И, конечно, он произносит, впервые встретившись с человеком, речь о Дарьялах, а юнкер Меткий отвечает незнакому человеку привычной пафосной речью.

Люди обычно сблизаются не сразу, это

интересный и долгий процесс, тем более, если они находятся в грозной военной обстановке, где опасно поведать чужую о своих убеждениях. У Дальнего же дело обстоит просто. Еще не присмотревшись друг к другу, один «заговорил о том, что он ждет не дожидаясь революционного переворота», а другой (большевист) тут же уточняет: «Как вы представляете себе революцию? Кто, по-вашему, должен взять власть?»

Кто они — и юнкер Меткий и юнкер Согнибеда? Почему они так мыслят? Как развивалась их психология? Для того, чтобы это показать, надо было выныкнуть в жизнь, а не обводить карандашом трафарет. Статичные персонажи повести никак не могут ожить под пером Дальнего, несмотря на множество восторженных примет, несмотря на их разговоры, взятые автором напрокат. Вульгарно-биологический подход заменяет Б. Дальнему изучение жизни и проникновение в души героев. Ему кажется, что достаточно сказать об асере Константинове, у него «оттопыренные розовые уши», чтобы решить, будто его герой Андрей Меткий нечто раздался с враждебной идеологией одного из персонажей.

О событиях, происходящих за стенами юнкерского училища, автор сообщает двумя-тремя газетными строчками. А за стенами училища происходят мировые исторические события — сперва Февральская революция, а затем и Октябрьская. Для того, чтобы герои были носителями идей, выражающих идеи, надо, чтобы они жили. «Где жизнь, там и поэзия», — говорил Белинский, — но жизнь только там, где идея, и уловить игнание жизни значит уловить невидимый и благоуханный эфир идеи... Невидимый эфир идеи! Много надо вздумать в эти слова. Элементарно представляя себе существо художественного произведения, Б. Дальний совсем не думает об игнание жизни и озабочен только тем, чтобы навязать читателю сложные свои идеи. Он забывает, что без жизни нет идеи. Его идея превращается в теорию, в решение задачи. Мыслить образами — это и значит уловить игнание жизни.

Игнание жизни оказалось в этой повести Б. Дальнему недоступным. Проследим, например, всю романтическую, так сказать, линию сюжета.

По замыслу в повести есть и любовь, и сомнения, и ревность, и любовная драма. Какие же средства нашлись для этого у Дальнего? Он сообщает в двух неписанных и вульгарных строчках, как произошло знакомство: «Сергей толкнул друга локтем в бок и увязался за девушками. Андрей нехотя поднялся и пошел следом». Потом сказано, что «Андрей помогал ей (Марусе — ДЗ) шептать лунчичу». И затем — «пился чай с пепельным и болтали всякий вздор». «Как это хорошо...» — вслух промолвил Андрей. Автор полагает, что он преподнес читателю картину зарождения любви, между тем как он запоздал страннику незначительными и ничего не выражающими словами. Так же нехорошо описаны кристаллизация чувства и пролог будущей драмы. Андрей играет с подругой Марусей ДЗ во «флянт». Он посылает ей карточку «смаргайт», означавшую: «Ваша подруга очаровательна». «Ага!», — получает он в ответ. «Панки сняты...» — прочитал Андрей». Еще несколько таких же пошлых фраз (стоит пожалеть, что автор принимает в этой пошлости активное участие), и закончен второй этап взаимоотношений. В следующей сцене автор сближает героя с героиней. Их взгляды встретились, она кричит: «Ну...». И дальше: визгливой грубой голос, комната перед ним поплыла, «кнопки же английской блузки растегнулись с сухим треском».

Игнание жизни оказалось в этой повести Б. Дальнему недоступным. Проследим, например, всю романтическую, так сказать, линию сюжета.

По замыслу в повести есть и любовь, и сомнения, и ревность, и любовная драма. Какие же средства нашлись для этого у Дальнего? Он сообщает в двух неписанных и вульгарных строчках, как произошло знакомство: «Сергей толкнул друга локтем в бок и увязался за девушками. Андрей нехотя поднялся и пошел следом». Потом сказано, что «Андрей помогал ей (Марусе — ДЗ) шептать лунчичу». И затем — «пился чай с пепельным и болтали всякий вздор». «Как это хорошо...» — вслух промолвил Андрей. Автор полагает, что он преподнес читателю картину зарождения любви, между тем как он запоздал страннику незначительными и ничего не выражающими словами. Так же нехорошо описаны кристаллизация чувства и пролог будущей драмы. Андрей играет с подругой Марусей ДЗ во «флянт». Он посылает ей карточку «смаргайт», означавшую: «Ваша подруга очаровательна». «Ага!», — получает он в ответ. «Панки сняты...» — прочитал Андрей». Еще несколько таких же пошлых фраз (стоит пожалеть, что автор принимает в этой пошлости активное участие), и закончен второй этап взаимоотношений. В следующей сцене автор сближает героя с героиней. Их взгляды встретились, она кричит: «Ну...». И дальше: визгливой грубой голос, комната перед ним поплыла, «кнопки же английской блузки растегнулись с сухим треском».

С третьим этапом тоже покончено. Можно приступить к четвертому: Он сначала предложение. Она сказала: «Мы — муж и жена». Апофеоз семейного счастья: он беззаботно смеется, а она произносит: «Тебе смешна в рот попала».

Перо механически ползет по бумаге, автор не задумывается о художественных мотивировках. Неизвестно, почему он ее полюбил, почему она его полюбила. Неизвестно, почему они счастливы. Ничего не говорится о том, как он переживал разрыв. Уловить игнание жизни значило в данном случае уловить более характерные для счастья и горя лютые моменты.

Теперь мы разберем образ большевика Согнибеда, оказавшего сильное влияние на основного героя. Из каких слов, поступков и мыслей составил его автор? Согнибеда появляется в повести девять раз. С самого же начала автор всячески стремится подчеркнуть, что его герой мыслит и действует особенно, по-большевистски. Об особом образе мышления мы узнаем из первого явления, которое оказалось бы убедительным, если б в важном по замыслу разговоре прозвучала сила слова, сила убеждения и если б этот разговор шел на дальнейшее развитие. Во втором явлении Согнибеда занимается рисованием и выискивает (диалог мы привели выше) представления Меткого о том, какой должна выглядеть будущая революция. Общее его мышление заключено всего в одной фразе. Меткий говорит, что он чувствует приход революции, а Согнибеда многозначительно произносит: «Мало ли что можно чувствовать. Надо знать...»

И снова автор считает, что с первым этапом покончено, то-есть с описанием работы большевика в подполье. В третьем явлении Согнибеда кричит: «Отворай карцер!». Паря, брат, прогнали! Чего смотришь? Не веришь? Небось, дух захватывает». Итак, мы перешли к следующему этапу, к Февральской революции и работе большевика в волжских частях. Этому посвящены явления четвертое и пятое. «Перед сном, в спальню, Согнибеда обратился к юнкерам: «Юнкера!», — сказал он, — нам надо уточнить свое отношение к революции». Он предлагает выйти с другими частями на улицу. Как и в других случаях, автор считает, что двух-трех бledных обих фраз достаточно, чтобы все убедить, — и переходит к явлению шестому. Юнкера вышли на улицу, на штыках — красные флажки. Капитан приказывает их снять, Согнибеда кричит: «Товарищи! Красный флаг — знамя революционного народа!». И наконец, Согнибеда рассказывает Меткому о своем детстве. Он забрался как то в чужой горшок, и его избили. Это, оказывается, помогло тому, что он «лучше усвоил истину большевистской постановки вопроса о классах и собственности». «В сущности говоря», — заявляет Согнибеда (тут, по мнению автора, его образ раскрыт уже полностью), большевики борются и за то, чтобы на земле немилых стало такое явление, когда ребенку проламывают голову железной лопатой за стручок зеленого горошка...»

И ничего не угадал от читателей настоящей статьи. Мы видим с вами, что автор совершенно не имеет конкретного представления о своем герое. Он составил его из нескольких обих фраз, и тут нельзя уловить игнание жизни, а благоуханный эфир идеи. Автор же промель мимо всех событий и отобрал несколько самых незначительных и совсем нехарактерных фактов. Произвольно склеенные вместе, они целого не составили и не дали нам никакого представления о мире и чувствах героя, а только убедили нас в том, что автор мыслит несамостоятельно и пока что мало осведомлен о том, какие же именно элементы составляют художественное произведение.

Камерная лирика

Первая книга стихов московского поэта Сергея Смирнова вызывает необходимость снова поговорить о лирике.

Лирика, как общий литературный процесс, всегда несет в себе личностный оттенок. Из самых разрозненных поэтических явлений эпохи складывается и вырастает великодушный эпос внутреннего мира человека. В создании такого эпоса — высшая цель поэзии. Только те произведения поэтов, которые глубоко сливаются с народным духом, вырастают в крупное литературное явление. И глубоко проникновенные поэты в народную жизнь чаще всего есть следствие многообразия и широты общественной жизни, а не профессиональной литературной учебы. Народ всегда принимал и признавал того поэта, который умел правильно обнаружить и выразить самую важную принадлежность человека — глубокое и искреннее чувство.

Но всегда в народной поэзии с разных сторон веет трюнишка, которые могут затеряться и исчезнуть вдали от нас скорее, чем достигнуть цели. Труден путь к большой поэтической дороге. Через тысячи коварных и неожиданных препятств, через хитрейшие лабиринты проходят эти трюнишки. И сколько людей заблудилось на них, не дойдя до высокой цели, сколько их застряло на пути. Угнет, нехватало таланта, другим — ума, третьим — волевых качеств.

Как бы ни велико было дарование поэта, ему всегда приходится приобретать много и с большими трудами. Поэтому опасно поспешное продвижение в литературу. И причина неудачи первого сборника Смирнова заключается в том, что, кроме способности видеть и слышать, он не приобрел еще умения сопознать мыслить.

В его стихах в первую очередь замечают искренность, мягкость, тихий, несколько приглушенный голос. Когда читаешь эти стихи, легко обратят внимание на беззаботность.

О чем бы ни говорил поэт, пусть даже это будут стихи о самой широкой степи и о самом бурном море, легкое комнатное настроение не исчезает.

Но даже самая бесноватая натура испытывает порой потребности в так называемой иллюзии. Есть поэзия, рассчитанная на эту прихоть, такова, например, поэзия Смирнова: она беззаботная, легкая, даже немножко милая.

Выходит так: Приезжай к другу в гости. А там всегда его старушка мать. Усади чай пить. «Не стесняйтесь, бросьте...» И скажет: «Оставляйте почитать...» Во слова мне золота дороже.

Эти первые строки на первой странице книги из стихотворения «Зажигательное стекло». В них угадывается голос и поэтический характер Смирнова. Простота,

мягкость, беззаботность... Но еще нельзя высказывать опеченное суждение. Затем поэт вспоминает свою мать, и тут несколько выискивается обидное раздувание. Я улыбочку, и жалко станет мне. Что мать моя на эту не похожа. И где-то там живет на стороне. Она ушла. Куда и с кем — не знаю. «Жалко станет мне» — в этих словах даже не намечено какое-нибудь определенное отношение к матери, оставившей сына и мужа.

Поэт не добивается точности в изображении чувств человека. Все то, что легко и мелко лежит на поверхности жизни, подбирает он для своих стихотворений. Отец работал с фотоаппаратом.

А я протусю И к морю убегу... И жили мы ни бедно, ни богато На теплом черноморском берегу. «Ни бедно, ни богато», но — испански-улыбочные слова, как легко они соиздают беззаботное комнатное настроение! А следующие строки своей поэтической вышностью уступают его.

А море там: Оно тебя качает, Оно любого может укачать... Его вапрано Черным ветчатая, Его бы Синим надо величать. Вель эти строки только внешне поэтичны. В них нет никакой ясной мысли, никакого определенного чувства. Поэтическая видимость тут создается примитивными рифмами, которые почему-то уже издавна считаются барометром лиричности в поэзии.

«Зажигательное стекло» продолжается следующими строчками: Что было после — юмору еде-еде, Оно темно, как старый негатив.

Газза и уши поэта улавливают военную суматоху, пыльных людей, поволоки с домашним скарбом, «каски — что громоздковы, на стриженох немецких головах». Поэт смотрит только глазами, сердцем и ум не помогают зрению. Поэтому за всем этим шумом и сумятицей он не улавливает чего-то более важного и значительного, не схватывает внутреннего смысла событий.

В самом конце стихотворения неожиданно появляются строфы об увеличительном стекле, которым мальчишка зажимал бейбам напирсы. Если бы удалось неожиданно обнаружить какой-нибудь элемент за этим образом, стихотворение получило бы совсем иное звучание. Но примитивное физическое восприятие мира скрывает от поэта внутренний смысл вещей и явлений.

Смирнов поэтизирует обычные, бытовые дни. Но, уме различать теплоту и приязненность человеческих отношений, он не замечает главного в человеке и его повседневной жизни. Его герой — незаметные, пожатые люди, «без больших запросов и затей», которым только можно пожелать «жить до смерти на реке», привнес в стихи робость и неуверенность голоса, превратив их в пасмурные, обыденные строки:

«Рассказы о просторе» В. Козина выходят в Гослитиздате. Книга иллюстрирована гравюрами на дереве художника Ф. Константинова.

Мих. ЛЕВИДОВ

СОЛДАТСКАЯ СЛАВА

В романе С. Голубова «Солдатская слава» историческом романе, как явствует из подзаголовка, непосредственно от историче- центральный эпизод романа — один из эпизодов кавказских войн: маленькая русская крепостца на черноморском побережье была осаждена значительными горскими силами; в укреплениях этом не было достаточного количества военных припасов, людей, продовольствия; защищаться было невозможно; и защитники укрепления предпостили почетную смерть безвластной слаче — укрепление было взорвано, все защитники его погибли... Осуществляя этот взрыв, — а по Голубову был идейный вдохновитель героического поступка, посетителем «солдатской славы», — солдат Конон Юрков, также историческое лицо.

Проходит по страницам романа, большая часть быстрой, а иногда и суетливой походкой, то скромно представляется читателю, то назойливо и надоедно маяча перед глазами, Сергеев — исторические персонажи: Лев Сергеев Пушка, брат поэта, генерал Равенский, командующий черноморской береговой линией, главный командующий на Кавказе генерал Головин, начальник его штаба генерал Конобу, министр Чернышов, Николай I, и наконец, в нескольких строчках эпизода — поэт Лермонтов.

Нельзя сказать, что интерес и сила романа Голубова, — а эти качества нельзя в романе не заметить, — заключались в характеристике или показе именно данных исторических персонажей. Отнюдь нет. Если Голубов сообщает, что у Николая была «напряженная походка марширующего солдата» или что Николай «еще в детстве метал был или актером или барабанщиком», — так это, в сущности говоря, прекрасно известно. И точно так же вряд ли можно назвать образцом яркой индивидуальной характеристики такой, к примеру, стрих, что Конобу говорил порусски так чисто, как могут говорить только немцы; помнит, это наблюдение встречалось уже у Льва Толстого применительно к Бергу, но затем оно стало просто разменной монетой...

Конечно, все это не так существенно. Атмосфера, запах эпохи, неповторимые особенности, красочность исторических бытовых деталей, — это гораздо существенней. Удачей Голубова в этом отношении несомненно и значительны. Быт заброшенного укрепления, брожение среди горских племен, подготовка к восстанию, борьба между горскими князьками за руководство восстанием, — все эти страницы романа Голубова интересны, увлека-

тельно, богаты переживаниями историей. Именно переживаниями: не в воспоминаниях, а в переживаниях исторической эпохи значение и роль исторического романа, — поэтому мы забыли Георга Эберса и до сих пор читаем Вальтера Скотта.

Но как уже сказано, не это важно в романе Голубова, не тут нужно искать доминирующую мелодию романа, не тут можно найти волнующую автора эмоцию... Власть литературной традиции очень чувствуется в этом романе. Тут заметна литературная робость художника: он не в состоянии, да по возможности и не хочет освободиться от властного воздействия классических произведений русской литературы. Нужно оговориться: речь здесь идет не о литературном влиянии Толстого, Лермонтова, Тургенева, а о литературной традиции, в плену которой находится Голубов, традиция, превратившаяся в творческое инерцию. «Рубка леса», «Кавказ», «Севастопольские рассказы»... Голубов не то что сознательно подражает этим великим произведениям — никакого греха тут, кстати сказать, и нет, — но он просто словно подхвачен могучим потоком толстовского творчества и уносится им, даже и не пытаясь плыть. Есть в романе образ казака Васенки, видимо, дорогой автору образ. Голубов не покусился красками в обрисовке этого образа: Васенка и мужественна, и прямодушна, и умна, и прелестна... И отнюдь не спорю с автором, не полемизирую с его образом, я верю в Васенку, — тем более, а может быть только потому, что я слишком хорошо помню Марьяну из «Казаков» и действительно вижу, что Васенка — бледное отражение в голубовском зеркале величавой толстовской фигуры. Немудрено, что этого не видит Голубов: литературная традиция стала для него инерцией.

Показателен в этом смысле один из основных персонажей «Солдатской славы», декабрист Николай Станицhev. После Сибири Станицhev попал рядовым на Кавказ, где он велел значительное место в романе, включая на себе побойное место в традиционной сюжетной схеме, обличительный дневник попадает в Петербург, к Николаю. Нужно ли указывать, что дневник написан особым «стилем», в котором, конечно, больше стилизаторства, то есть всего же литературной инерции, чем стили? Одна только цитата: «Разве так жестока смерть? Не понимаю, почему ее боится

люди. Жизнь моего страшнее. Что связывает меня о жизнь? Воспоминания... Память ударит в сердце и высекает быстрыми оги. Вихрь мыслей подхватывает его и раздувает. Образы прошлого возвращаются и живут минутой-две. И вижу себя старым человеком...» и т. д. Все так очень точно. Такие люди, как Станицhev, в ту эпоху так и писали. Бела только в том, что все это слишком хорошо известно. И в том еще бела, что уже с первых строк станицhevского дневника видно: этот персонаж никак не интересен, ибо он ничтожный персонаж: раньше, чем мы прочли о нем у Голубова, Голубов прочитал о нем в многочисленных и по большей части отличных произведениях русской литературы.

Традиционные — вплоть до фамилий — и некоторые другие персонажи: штабс-капитан Лилиенфельд — «потомок рыцаря», истерик и салдат, прапорщик Атриганыев, алкологик и фантазер; лекарь Протуберанцев — несчастный циник; перомонах Иов — трус и стяжатель; Алпатыч — крепостной Станицheva, верный его дьячок... Опыт-таки: все они не встречают, так сказать, возражений; но ведь и цитата никакая не встречает возражений, если она уместна и не переувата.

Однако все это не в порядке упрека говорится. Больше того: я готов согласиться с несомненным, быть может, автором романа, но несомненно наличествующим у него творческим убеждением, убеждением в том, что весь этот штатный план романа, равно как и исторический его план нужны романтисту лишь как фон, обстановка, окружение. Это все полсобные элементы, и не тут нужно искать центральную идею «Солдатской славы».

А найти ее нетрудно. Это — идея народного патриотизма, возникающего вопреки всему, несмотря ни на что, даже в убогой, несчастной, замордованной николаевской России — «стране рабов, стране господ...». Идея народного патриотизма, рождающего «солдатскую славу» и полнющий человеческий героизм. Несомненно, кавказские войны знали «солдатскую славу». Но с одной ли только стороны? Хотел того Голубов или нет, но роман его — в одной по крайней мере части — вступает в режий конфликт с исторической правдой и, следовательно, с правдой художественной.

Да, и в кавказских — завоевательных — войнах русского царства проявился героический, народный патриотизм русского солдата. Но ведь не следует из этого —

и сам Голубов прекрасно это понимает, — что царская война против кавказских горцев была справедливой войной?

Да, исторически верен тот факт, воспроизводимый в романе, что Англия послала своих эмиссаров на Кавказ, стремясь использовать войну горцев с Россией в своих интересах.

Но ведь не следует из этого — а здесь Голубов не будет с нами спорить, — что война с Россией была навязана кавказским племенам Англией? Да, черноморское побережье Кавказа было обречено стать либо турецким, либо английским, либо русским, и то, что оно стало русским, это было исторически наиболее выгодным, — как об этом говорит, правда, со слишком большой ясностью историческое предвидение, один из персонажей романа.

Но ведь не следует из этого вывод, а Голубов делает именно этот вывод, что горские народы отнюдь не были заинтересованы в войне, а являлись будто бы, как явственно намекает Голубов, пассивным материалом, лущенным мясом в руках ли, бо английских эмиссаров, либо местных феодалов — князей и узденей.

Да, в итоге исторического развития царский Кавказ стал советским Кавказом. Но ведь это великий результат не снимает, не уничтожает того факта (Голубов же тщательно его причес), что война горцев против париама в 40-х, 50-х, 60-х годах XIX века была народной, справедливой, освободительной, героической войной.

Голубов тщательно причес этот факт, о котором, однако, он весь голос, с полной силой художественной убедительности говорит и Лермонтов, и Толстой, о котором недавно напомнил «Правда» в передовой, посвященной лермонтовскому юбилею.

Голубов тщательно причес этот факт. Больше того, он создает антиисторическую, лживую концепцию, будто войну с парской Россией создала горская феодальная верхушка из-за своих снобистских целей, горские же народы никак в этой войне не заинтересованы не были.

Для чего же понадобился романтисту эта странная концепция? Не думал ли он, что, склываясь со счета героический патриотизм горских народов, проявленный в неравной борьбе против двойного — национального и социального — ига царской России, он тем самым выделит патриотизм русского солдата, характеризует его героизм, увеличивает его «солдатскую славу»? Так не думал, однако. Нет, Толстой сумел лишь в своих кавказских повестях показать и героизм русского солдата и «солдатскую славу» горских племен.

В этой, условно говоря, «горской» части романа Голубова есть выразительные, сильные страницы, удачные характеристики некоторых горских персонажей; тем дошло, что, вводя в свое повествование красочный и мало знакомый нашему чи-

тателю материал, автор обесценивает данную часть романа своей неверной, искажающей историческую правду концепцией.

Однако горская тема лишь эпизод в романе Голубова. И она служит, наряду с отмеченным материалом литературной традиции, только фоном. Основная же идея произведения, — тут Голубов не погрешил против исторической правды и достиг большой силы художественной выразительности, — она в трагичности «солдатской славы», в том, что подвиг солдата Конона Юркова был подвигом отчаяния, обреченности. Не потому, конечно, что крепость, которую он взорвал, должна была все равно погибнуть. Это священный момент, по которому, что Конон Юрков сражался и пал за чужое по существу дело, потому, что «солдатская слава» и его павшие друзья безвестных Юрковых была трагичностью для карьеры сеньянтлов на солдатской крови и титулованных ничтожеств, это прекрасно показано Голубовым в эпизоде его романа.

Образ Конона Юркова нарисован романтиком этически и увлекательно. «Негигиичный солдат», сильный и ясный человек, стихийный бунтарь, у которого чувство органической любви к своей родине драматически сочетается с острой ненавистью к ее господам, — он вышел в героическом подвиге своеобразный выход из отсутствующего его противоречия. Он хочет взорвать крепость, чтобы хоть как-то свести счет с царской и дворянской Россией, чтобы показать — не генералы, не чиновники, а он, Юрков, служит родине, заботится о ее славе.

«Россия я хочу спасти, сударь», — вот что...» — говорит Юрков Станицhevu. — Как — спасти? — А просто. Не устоять ведь, сударь, крепости нашей против черкесских тысяч. Никак... Стало быть, при штурме большая неустойка будет. И при неустойке этой полное право наступит — взорвать крепость...

Кто же возьмется совершить это? Юрков ходил, не отвечая. На лице его явственно проступало выражение упрека и гордости. Вдруг он остановился. — Вель, пот, сударь, — быстро затворил он... Господа издальки тифлиские бросили нас судить под копыта. Тотчас нас судьба, и нечем нам отбиться, кроме как солдатским нашим духом. А крепостной дух, коли любит солдат свое родное. Да и как не любить?.. — Какой является человек, — сказал он, — который при неустойке той Россию-матушку от врама спасет, — навек будет память о нем чиста, как стеклышко...»

Конон Юрков — исторический персонаж. Варьез крепости был им действительно осуществлен. Но объяснение этого поступка — целиком в области авторского домысла — смелого и убедительного. Юрков погиб не за свое дело; с увлекательной

И, признаться, рос коvolmente вяло. Был пуглив и до боли мал. Шлакал сд задами, бывало. Разные лекарства принимал. Несложные будни Смирнова чрезвычайно иллюзиями, благообразны. Стихотворения «Бабушка» начинается так:

Бабушка моя живет на свете Без больших запросов и затей, Дорогие бабушкины лета Замели собственных детей.

Раньше бабушка жила с мужем-пьяницей и с курами, кравшимися, «потому что жила в пшенице». Затем она приезжает в дереву в город и здесь

Моем всевозможную посуду, Остается в комнате одна, Обожает радио, И везду С мусором вонюет котенка.

Все стихотворение выдержано в старомещево-благообразном юморе и заканчивается убогой иллюзией. Бабушка будет встала на работу и предлагает ему августать: И в ответ на это предложение Я умолю, галстук повяжу. Полюбуй к столу и, в знак почтения, «Гутен морген» — бабушке скажу.

Та же иллюзия тональности характериза для стихов «Старый знакомый», «На старых местах», «Василий Лукьян», «Письмо», «Новый жилец». «Из нашей местности лесной.

Опрошение и замыкание одной краской лирических буней — дело слишком легкой поэзии. Настоящий поэт, наоборот, всегда украшает буни, ищет и находит в них новые краски. Весь смысл его труда, прекрасно выраженный Мюссе, состоит в том, чтобы протые слезы превратить в жемчужины. Вель поэзия сама по себе необыкновенное явление. А всякое сильное человеческое чувство — разве это обыкновенное?

Паша лирическая поэзия лучшими своим произведениями уже создала эпоху внутренней жизни нового человека. «Сказка» Светлова, «Твоя поэма» Кирсанова, многие стихотворения Асеева, Тихонова — все это явления нашей личной лирики. Сила и глубина чувств, своеобразная, но твердая устремленность, оригинальная, но жизненная осмысленность каждого явления — без этого нельзя творить поэзию.

И тем обильней наблюдает робость и серьезность там, где поэтический смысл и глубина жизненных явлений сами прорастают в стихи.

У Смирнова есть способность глубоко анализировать в наиболее прочувствованные темы. В стихах об институте, очевидно, самых последних, есть уже серьезные, правдивые строки. Здесь искренняя робость не поменяется беззаботностью, а полная человечность — благодушием. Она называет на мысль, что обыкновенно стихов, быть может, навеяна и подсказана, что самостоятельная жизнь влады от литературных мастерских ласт воле неперестанному голосу. Вель природа всегда подсказывает правильную!

И все же подвиг Юркова не был напрасен. Голубов показывает — и это лучше страниц его романа, — как воздействует на окружающих психология героя. Не только солдаты крепости, — все, в которой сохранилась живая душа, с радостной готовностью пошли за Юрковым; но он вывел из туника противоречия, указав единственно возможным в данном положении путь и бывшего декабриста Станицheva. И вместе со Станицheвым Юрков оказал могучее воздействие на начальника крепости — майора Татаурова, образ которого — наибольшая удача романа. Пляница, Себялюбивый трус, Картежник, едва ли не шулер, Казнокрад, Равнодушный чиновник, почти негодяй. Такой майор Татауров, мы не сомневаемся, что он таков, — очень красочно обрисовал его автор.

Но вот странность. С непрестанным вниманием, с неустанным интересом следим мы за Татауровым. Откуда взялся этот интерес? От каких-то незаметных почти штрихов его облика, будто из подтекста: тут вот и проявляется сила и талант художника. Следим — и ожидаем чего-то неожиданного, чудя. И оно приходит — неожиданно, но закономерно. Перед его глазами образ Юркова, трудный путь Станицheva; и в майоре рождается человек, простой, честный, мужественный русский человек, связанный с родиной, с народом, обрекая себя на смерть во имя родины. Оно радостно — это рождение человека, тут есть нечто горьковское, атам волнуешься, этому веришь, — такой силой удачи Голубов может гордиться!

Роман Голубова аналитичен и интересен, хотя автор его еще отнюдь не сформировавшийся художник. Слишком много платанного материала в романе (помимо указанного также образ разжалованного офицера Окологорнова, бреттера, отмененца, «лишнего человека», перелавленного горцам и бесмысленно погибшего); и очень досадно, что нехватило смелости (или исторического чутья?) у писателя, чтоб показать величие патриотизма горских племен. Эти недостатки существенны. Но при всем том заслуга С. Голубова — в трудном деле создания советского исторического романа, пафос которого в идею народного патриотизма, — эта заслуга неоспорима.

Мысли об армянской литературе

Армянский народ на горизонте истории впервые появляется в VI веке до нашей эры, и с тех пор, уже как политически сложившееся государство, борется за независимость. Однако из этой глубины веков до нас не дошло ни одного письменного свидетельства. О нем только историк V в. н. э. Моисей Хоренский, составивший летопись армянского народа, воспевавшая всемирными легендами, слагавшимися до и после нашей эры. В пределах современного ему исторического понимания Моисей Хоренский охватывает всемирными приемами осветить вопросы о происхождении и последующем развитии армянского народа. Им была тщательно исследована армянская эпопея о победе нашего героя Арам-Бабек, одержанной над вавилонским Нимродом — Вавлом. От этой легендарно-героической эпохи и до нашего времени дошли лишь отрывки, хотя и чрезвычайно ценные отрывки песен хохтанских бардов (гуспаов).

История нашей цивилизации, что эти напевы потеряны богатства, изложенные в эпических песнях, стали жертвой слепого христианского фанатизма. Церковниками, расчленившими место для народившегося вероучения, безжалостно уничтожались ценнейшие памятники древности.

Наша документальная литература берет свое начало после изобретения нового армянского алфавита и перевода Библии на армянский язык. Библия была переведена на язык классической армянской литературы, и перевод этот, по единогласному утверждению специалистов, считается «матерью всех переводов». Обстоятельство это дает основание предполагать, что еще задолго до перевода Библии армянская литература являлась классической армянской языком (грабар). — иначе трудно объяснить наличие столь богатого языка почти тотчас по изобретении письмен.

Пятый век, именуемый «золотым веком» в истории нашей литературы, — является в высшей степени замечательным. Начинается возвышенный расцвет; появляются блестящие плеяды историков: Лазарь Парбский, Зеноб Глак, Фауст Византийский, Моисей Хоренский, Егеше. Философы: Езник Хохский, Лавна Пенебемий. Переводятся Платон, Аристотель и др.

С того времени и до наших дней, в течение полутора тысяч лет мысли и сердце армянского народа продолжали непрерывно мечтать, верить в тем или иным образом пытались разрешить вопросы внутренней и внешней жизни.

То, что было осуществлено гением народа за этот долгий срок в области литературы, до того богатого и многообразно, что литература эта сделала бы честь очень и очень многим народам, по своей исторической значимости и по своему возрасту не уступающим армянскому. Достаточно упомянуть, что не говоря об огромном количестве бесценно исчезнувших письменных реликвий, до нас дошло свыше 22000 томов литературных памятников, писанных на пергаменте исторического, географического, религиозного и поэтического содержания; сюда же относятся своды законов, сборники притч, математических и философских трактатов. Все это является незаменимым подспорьем при изучении исторических судеб в жизни народов Ближнего Востока.

Географическими особенностями той или иной страны обуславливаются характер и история данного народа. Родина армянского народа веками служила ареной действия для всевозможных завоевателей.

Когда, оглянувшись на многовековую историю армянского народа и на его богатую литературу, мы пытаемся выявить их, так сказать, философскую сущность, мы неизбежно приходим к следующим выводам.

Вечно плачущим содержанием нашей литературы служила непроборимая жажда свободы: борьба, любовь к родине и уважение к человеческому достоинству.

Еще один из древнейших армянских

гуманистов, Собоес, отмечает, что заветной мечтой нашего народа было — жить и умереть за благо родной земли.

Эта мечта, как молния, пронизывает нашу историю с начала и до наших дней. Армянский народ, а в лице его вся армянская литература, веками боролась за независимость и самостоятельность родной страны. Эпопея — поэма-история. У века Егеше является гимном в честь армянского народа за его борьбу с персидскими фалангами. Эту борьбу и эту песнь продолжали наши писатели до самых последних дней (Хачатур Абовян, Алишан, Рафаэл Патканян, Раффи, С. Шах-Азиз, П. Пронян, М. Пешикташян, Акон Паронян, Мурадян, Сяматто, Ов. Туманян). Оттенены, полные жизни и силы, эти заветные напевы способствовали освобождению нашего народа от ита арабских хищников, персидских шахов, монгольских ханов, турецких султанов и царей.

Далеко не у многих народов, вечно омывавшихся в крови, постоянно угнетавших, можно найти песни, до такой степени пронизанные любовью к отчизне, столько задушевные, в особенности песни, тоскующие по родине (следствие горестного изгнания), как те, что встречаются нам в армянской литературе.

Горькое сильное пожелание и ропот против несправедливости, насилия, погромов, против бога — являются второй характеристикой особенностью армянской литературы; этот ропот простирается от тринадцатого до двадцатого столетия (Фриш — XIII век, Петрос Дурян — XIX век).

Борьба с христианским аскетизмом, требовавшим отречения от родной земли, жизни, протест во имя любви, радости и счастья (Константин Ерицкиан, Г. Ахтамарский, Напет-Кулар). Ропот и бегство из мира как своего, так и вселенского в юрочкаемый беспечальным и снастиный мир (Ов. Иоаннисян, В. Тарян).

Протест против господствующего общественного порядка, против социальной несправедливости, против классового угнетения, бунт во имя справедливости, свободного строя (М. Налбандян, Г. Сулуянян, Ширавадзе, Д. Варужан, Ш. Кургиян, Акон Аюбян).

Гуманизм и народность являются главнейшей характеристикой особенностью армянской литературы: сострадание и любовь к отверженным, к жертвам общественной несправедливости, страданиям и обездоленным (Левон Манвелян, Ерицан Оган, Гр. Зограб, Нар-Дос, Дереник Демирчян).

Армянская литература в первом периоде своего развития испытывала греческое и арабское воздействие. Позднее она много обязана английской, французской, немецкой, русской литературам. В ней сказало много общего с их демократическими, гуманистическими и революционными течениями. Достаточно назвать Байрона, Гюго, Гете, Шиллера, Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Толстого, Тургенева. Однако все созданное армянской литературой — вполне самостоятельно. Мы наблюдаем здесь внутренний мир древнейшего народа его скорби и страдания, расцвет его заветных идеалов, — все, что составляет славу и гордость армянского народа и является источником его существования.

Советский строй, освобожденная Армения создали новую литературу. Новые писатели растут в благоприятных, здоровых условиях, при которых острые вопросы прошлого утратили свою остроту. Новые писатели, пользуясь богатейшим, многовековым литературным наследством, с большей или меньшей степенью удаче, создали вещи, национальные по форме и социальностические по содержанию. Они поют и отражают переустройство родины, коллективизацию и вообще все новые явления жизни, воодушевляющие писателей всего Советского Союза.

Советское государство всемерно плет на встречу нашим молодым писателям. Это объясняет их к созданию произведений, проникнутых титаническим духом Сталинской эпохи.

БОЕВОЕ ВООРУЖЕНИЕ

Политическое управление Белорусского фронта выпустило книгу — сборник стихов, песен и очерков. Книга «Слава в провозвестие» 13 октября — месяц, чем через месяц после начала освободительного похода Красной Армии.

Некоторые из этих произведений были написаны в груженое походной типографией, когда красноармейско-партизаны держали уже в рамках первую строфу, а вторая только еще жила на бумагу. Другие возникли в блокаде на ходу автомобиля, который подпрыгивал на ухабах военной дороги. — буквы не хотели выстраиваться в линию, разбредались по бумаге, воруша ранжир и равнение. Третьи родились на полях освобожденных сел, когда митинг был уже начат и нужно было сказать людям, разлукающим день своего рождения, слова о жизни, которая для них началась. Есть и такие песни в этой книге, которые раньше, чем были напечатаны, попали в походную колонну.

Большинство этих стихов, песен и очерков написано товарищами, которых мы знаем по произведениям другого, так сказать, «литературного» рода, и мы знаем, что этим поэтам и прозаикам выдали вполне обдуманные, в особенности песни, сентябрь, в дни частичного призыва запасных Красной Армии. Как мы и надеялись, литература была учтена в мобилизационном плане. «К штыку привалялись перо...»

Политические союзы и армии подводят итоги боевой деятельности отрядам литературной кавалерии и артиллерии, и можно надеяться, что эти итоги будут положительными, но и история советской литературы не сможет пройти мимо того, что значительный отряд писателей участвовал в операции освобождения народов Западной Украины и Западной Белоруссии. История литературы, вероятно, отметит влияние, произведенное этим обстоятельством на дальнейший ход развития советской прозы и поэзии.

Для стихов, сочиненных в перерыве между боями, нужны критерии особого свойства. У оружия своя эстетика. Между прочим, пулемет красив, но только тогда, когда он верно направлен — во врага народа. О достоинстве песен, собранных в книгу «На Белорусском фронте», следует судить с точки зрения бойца, угложденно-го пятидневным походом, с точки зрения командира, готовящего атаку и озобоченного моральным состоянием части.

Собранные стихи и песни Евг. Долматовского, Вл. Луговского, Петра Бронка, С. Кирсанова, А. Твардовского, Ильи Френкеля, Г. Кривошеина, П. Слесарева, Очерки: В. Ильинова, А. Исбаха, А. Эрлиха, Б. Горбатова, П. Быстрова, Ал. Тихомирова и некоторых из названных выше поэтов.

В предисловии к сборнику редакция «Красноармейской правды» — газеты Белорусского фронта — пишет: «Почти в каждом номере фронтовой и армейской газет печатались произведения поэтов и писателей, непосредственные отклики их на происходящие события. Слагались песни, и через день-другой бойцы распевали их на марше. Писались очерки, которые помогали политработникам, помогали бойцу и командиру громить врага».

Нельзя не порадоваться этому авторитетному свидетельству, выданному боевой красноармейской газетой нашим товарищам — писателям и поэтам.

Еще несколько слов о содержании стихов и песен. По вооружению можно судить об армии. Идея, которыми армия вооружена, дает представление о ней наиболее точное.

Песни, с которыми красноармейские полки шли против павов, учили их неавности к угнетателям народа. Они славили свободу. Воодушевляли храбрость. Они воспевали ярость атаки и нежность обаятия с освобожденным братом.

С. Н.

Преодоление страданий

Маргарита Алигер — подлинно новый писатель, поэт сильного лирического наприжения и страстной веры в справедливость. Правда, голос ее иногда слышатся, иногда звучит слабо, но часто он приобретает такую внутреннюю силу, такую глубину, что, слушая его, никак не можешь оставаться равнодушным: он будит в читателе самое лучшее, самое человеческое, самое дорогое.

Маргарита Алигер — поэт настоящего советского оптимизма, преодолевающего все горести, все неудачи и всегда торжествующего свою победу, которая тем дороже, чем трагичнее она достается. Ее оптимизм нельзя назвать легкомысленным или наудачным. Это оптимизм взрослого человека, который всей душой верит в обязательное торжество правды, который много пережил сам, но и в самые тяжелые минуты чувствовал вокруг себя друзей, не терял из вида конечной цели, находил радостный выход в творчестве.

Вот первые мысли, которые возникают по прочтении книги стихов Алигер «Железная дорога». В книге этой собраны десять стихотворений, повесть и поэма. Кроме того, в книгу вошел целый отрывок стихов Леси Украинки, переведенных с украинского; среди них есть необыкновенно нежные стихи, как, например, «Забывшая тени», или мудрые, величественные, как, например, «Забывшая гробница»; очень хороша также небольшая поэма Леси Украинки «Одно слово». Не зная подлинников, я не могу судить о качестве переводов, но имею право высказать мнение о качестве стихов и должен сказать, что, конечно, Украинка, писавшая около сорока лет назад, — подлинно большой поэт. Ее стихи звучат в сегодня так, как будто они написаны вот сейчас. Безусловная удача переводов объясняется, по-моему, тем, что мысли и чувства автора волнуюте близки переводчику и что Алигер по праву может называться Лесью Украинку своей старшей сестрой.

Переходя к конкретному разбору книги «Железная дорога», я вынужден остановиться на отрывке из малых рассказов автора. Алигер пишет стремительно — это даже хорошо, но, к сожалению, часто, и даже слишком часто ее чувства, ставшие мыслью, из-за спешки выражаются бледными словами. Слова ее безусловно бегут и в большой своей чистоте впадают, старомодно. В то время как вся наша поэзия решительно избавляется от высокопарности, приближается к тому, чтобы стать разговорной, Алигер позволяет себе вдруг сгегольнуть такими, например, строчками: «Сухой листья багряные охалки» или «Блаженна меланхолия осенних рек».

Эпитеты Алигер далеко не отличаются той, скажем, замечательной грубостью и неожиданностью, как у Маяковского. Или той абсолютной точностью, как у Давидовича: ее эпитеты — в коей мере не помогают читателю воссоздать в своем воображении описываемую картину и

только зря занимают то место, где следовало бы поставить единственно необходимое слово. Понимаю это, Алигер возмущает низкое качество определений их количеством, давая сразу по три, а то и по четыре плохих эпитета один за другим; но этим ясно делу не поможешь.

Вот обычные ее эпитеты (их можно назвать ее эпитетами, так как они ходят из рук в руки, как разменная монета): живые, теплые сердца, густые огни, густая вода, голубая весна, голубая погода, потеряла, порывавшая, верная кожанка, заснеженный декабрь, невеселая гужва, высокое пламя, тонкая шея, тонкое плечико, тонкие руки, широкая, стройная песня и т. д.

Нужно ли было писать, что декабрь заснежен, не разумеется ли это само собой; нужно ли было писать, что сердца людей живые и теплые; можно ли до сих пор пещально злоупотреблять голубым цветом, который, право же оттого, что его совершенно захватили пальцами, давно уже стал серым; была ли необходима писать, что матрос лежал на «потортой, порывавшей, верной кожанке своей». — валь ести она потеряла, то само собой разумеется, она порывавшая и, очевидно, верная и безусловно своя; имеет ли поэт право сказать о песне так беспомощно: широкая, стройная? Конечно же все это чрезвычайно плохо, все эти и подобные этим определения только раздражают и отвлекают внимание читателя.

Алигер пишет длинно, повторяется, оставляет в стихах слишком много жалких строк. У нее нет даже такого упорного труда умения построить железную строфу. В стихах встречается большое количество так называемых пологих строк, существование которых оправдывается лишь тем, что они рифмуются с теми строками, которые и необходимы и хороши. Преобладают к тому, какое слово поставить в строчку, приводит к таким прискорбным случаям: в стихотворении «Муром» описывается залатка скалки: «Дютазава нужно сталь густую раскалить» и после этого «делается сталь крутой». Стоит ли ее закалять, если в результате густая сталь становится крутой, то-есть по сути ничего не меняется?

Чтобы мой упрек в небрежности был более соченны и влиплими прирадами, я процитирую несколько строчек из разных стихотворений: «Менялись владельцы и путались власти»; «Тут Биров зарыл анурное зверия»; «А на путь метну на моруно убивают»; «Он раздумию нурил». Или вот строфа из стихотворения «Матрос»:

Он впервые сел на лопашь, и селло спозло в дороге. Перепутанный, аж сминий, впопыхах полураскал, об ее бока крутые оборот худые ноги и спозал с селла, и плакал, повисая на уае.

Эта строфа просто ужасна по своей косноязычности: селло спозло, он спозлапывает читателя. Вот как знаеомит с поэмом своих читателей «Кзыл Татарстан»: «Навои является основоположником чагатайской литературы и одновременно как крупным представителем фарсидской поэзии. Вообще он (т. е. Навои. — Ред.) считался писателем «двух языков». С одной стороны, Навои считался основоположником турецкой поэзии, с другой — талантливым продолжателем стиля Низами в фарсидской поэзии».

Что это за путаница? В каких пеллах

Путаники

искажается смысл творчества гениального классика Узбекистана? Разве редакция не знает, что так называемая «научно-исследовательская работа» буржуазных националистов молние голы старалась оторвать великого Навои от узбекского народа, объявляя его роизначальником чагатайской литературы?

Алигер Навои был и остается узбекским классиком, как Низами Гализеви был и остается классиком азербайджанской литературы.

З. Ш.

А. АДАЛИС Молодая поэзия Армении

Армине — один из древнейших народов мира; Армения — одна из древнейших странок человечества. Это общепризнанная истина; но ее стоп повторить, говоря об армянском искусстве, потому что оно неразрывно связано с удивительным историческим путем этого народа.

Век, и два, и три века тому назад Армения была одновременно страной древней культуры и страной величайшей отсталости. «Культура» создавали библиотеки, сокровищница прикладного искусства, традиция архитектуры и художественных ремесел. «Бескультура» заключалась в беспримерной нищете крестьянства, в дикости скотоводов-горцев, в поголовной неграмотности. Армения имела два языка — литературный и народный. Пару с монетарской письменностью существовала устная народная литература и поэзия — могучая, чистая река бытия, сказок, народных песен, которые носили по горным деревьям алуги.

Но нигде не была так глубока, так не углублялась искусственно пропасть между людьми физического и интеллектуального труда!

В ряду причин трагической судьбы Армении далеко не последней причиной были эти роковой, исконный разрыв между культурной традицией и реальной жизнью, между Арменией роскошных монастырей и Арменией деревень, а впоследствии — между армянской интеллигенцией и народом.

Судьба же была поистине трагической! Вековые распри между христианами — ар-

мянами и мусульманами — тюрками и арабами превращали несчастную горную страну в арену кровавых побоев, в сплошное пожарище. Религия была лишь прилогом, которым веку и всегда пользовались правящие круги более сильных мусульманских и христианских стран, — со времен древних арабских набегов и вплоть до времен русской царской колонизации. Столкновение интересов Турции, России, Англии, Ирана обречивало на угнетение народов тяжкими бедствиями. Армянский народ отчаянно и благородно защищал свою самостоятельность, свои жалкие поля и горные пастбища, своих детей и стариков. Но об истинной подоплеке вещей он не знал. Армянские промышленники, турецкие купцы и феодалы, запатентованные капиталисты, английский империализм, царское чиновничество провоцировали эти погромы и распри. А после погромов оставались озеро крови, гигантские пожарища, тысячи сирот и печальные, гнетные песни алугов — страшные песни простых людей, вцепивших руки своего народа и не понимавших, почему гнетет над ним «проклятие», откуда, почему, зачем эта страшная судьба?

Вот тут-то и сказалась чудовищность части старой буржуазной армянской интеллигенции народу, ее отколотость, ее наивность.

Интеллигенция Армении резко делилась на две породы людей — ту, которая действительно любила свой народ, жила его горестями, скорбела об его прошлом и требовала человеческих прав в настоящем и будущем, и ту, которая швырялась словами о любви к народу, историческому прошлому Армении, а на деле вывала мир из рук отечественных купцов, русских губернаторов, английских и американских капиталистов. Численно ее было больше. Говоря об «армянской интелли-

генции», подразумевали именно эту ее часть. А гении и социальные пророки армянского народа, его Некрасовы и Чернышевские — Туманян, Налбандян, Аюбян, Абовян, дальновзорле и пламенно-талантливые люди этого ряда чувствовали себя одинокими в призрачной интеллигентской среде. Но именно они — эта малая часть — были солью Армении. Народные массы любви их и знали. С их песнями и стихами молодежь шла в революцию, уезжала в Петроград, Баку, Москву.

Глаза армянского народа впервые широко открылись и увидели истинную суть вещей во время Октябрьской революции. Она не только принесла народу великий праздник освобождения, она дала ему урок исторической мудрости. Народ увидел, что националисты никогда не были патриотами. Люди, кричавшие о «Великой Армении», провалили Армению английским интервентам. Люди, кричавшие об ужасах турецких погромов, сами же громили родные села и сговаривались с тюркскими националистами против красных армянских партизан. Эта потрясающая историческая диалектика заставляла прозреть и армянское трудовое крестьянство и лучшую часть армянской интеллигенции. Мы можем сказать, что единая Армения впервые возникла лишь при советской власти: единая Армения рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции. Это слияние и есть тот базис, на котором возникает теперь подлинная и замечательная армянская культура.

В прежнее время имелись сокровища старинной письменности, но известные неграмотному народу; имелись народные фольклор, но известный литераторам и широкой городской публике; имелась модернизированный литература — романы, повести, изысканные стихи, известные лишь узким кругам интеллигенции. Ныне же создается литература, поэзия, театр, общедоступные и родные для миллионов читателей и зрителей. Изумительный народный эпос «Давид Сасунский» веками спал в старинных рукописях, но отрывочно жил в устах алугов. В наши дни он весь целиком стал живым достоянием масс. Армянский театр имел скудные истоки в диалогам и сенах, разрываемых народными пелами; в музыкальных импровизациях и в робких прогрессивных попытках дореволюционной интеллигенции ставить армянские спектакли. А в наши дни соединение народной алуговской песни с новой музыкальной культурой, слияние народной традиции с приятиями театрального мастерства создает такие прекрасные спектакли, как «Амстат», «Амстат» — праздник мирового оперного искусства.

И маленькая книжка молодых поэтов Армении, лежащая предо мной, несет в себе тот же самый принцип.

Стихи, помещенные в этой книге, резко разнятся от тех наивно-убийственных и плакательных агитационных стихов, которыми начинали свой литературный путь уже зрелые ныне армянские поэты. Из последних — лучшие стали подлинными мастерами советской поэзии и любимыми людьми народа; другие приостановились в развитии; худшие — свернули на пути, чуждые народным интересам. Приходит молодое поколение, воспитанное мастерами. И в воспитании этой молодежи приняла косвенное участие не только старшее поколение по перу, но и носители народного творчества, носители фольклора. Великие народная поэзия — эпическая и лирическая — чувствуется почти во всех стихотворениях книги «Молодая поэзия Армении». О нем говорит даже выбор некоторых — народных сказаний — и повествовательный стиль, которым эти сказания переданы.

Несомненная — и довольно высокая — культура стиха есть у каждого из авторов сборника. Каждый из них старается поддать тему, избранную по содержанию и достаточно интересную в чисто поэтическом смысле. В этих стихотворениях присутствует та поэтическая радость бытия, которая свойственна каждому подлинному поэту, даже в произведениях, передающих грусть или горечь. Радость бытия находит и более ранние стихи поэтов Со-

ветской Армении; но более была лексикон, которым ее выражали; скупер образы; примитивней ритмы. Когда радостные стихи написаны в крикливом трафарете — от них становится скучно; набор светлых, «солнечных» штампов, должествующих выражать полноту и радость жизни, быстро набивает оскомину. Тем приятнее, если чувство света, чувство свободы и молодости является естественным дыханием стиха, а не декламацией. Именно так обстоит дело в большинстве стихотворений данного сборника. В этом особенно сказалось влияние народной, алуговской песни: алуговская песня часто бывает восторженной, но эта детская-искренняя восторженность не создает впечатлений искусственности «солнечного» стиля. О тех же народных песнях, где стиль выписан, почти всегда без ошибки можно сказать, что они фальсифицированы. Стихи сборника также, как большинство известных нам песен армянских алугов, не создают впечатлений натежливой декламации. И это для поэта — главное.

Во все стихотворения сборника равноценны как в смысле глубины, так и в смысле мастерства. Лучшие образцы сборника — ряд стихов Овалеса Шираза, «Любовь Давида» Вагана Арамуни, «Песнь молодых поэтов товарищу Сталину», «Песни народа» Туманяна и другие — много выше, разумеется, чем «Солнцу» Маро Маргарин или «Девушка-волхонница» Мэригана Корюна, или «Песнь Вождя» Григора Арутюни.

Радостно удивляет то сравнение с прошлыми годами, богатство тем: смелость опытов, древнее преданье, античный миф, опыт философской алегории, живая, горячая еще легенда недавних времен гражданской войны, народная армянская сказка, признанье в любви — все найдешь в томике стихов молодых армянских поэтов! В культурном развитии — это большой и твердый шаг вперед.

Переводчики работали над сборником старательно и честно. Они соблюдали трудные иногда ритмы, родственные народным песням, удавливали внутренний поэтический строй. И все же вопрос о переводе, который до сих пор не исчерпали десятки статей, остается открытым и для данного случая. Браня некоторые из

стихотворений сборника за штампы, за трафаретность, критик все же не чувствует себя уверенным, того надо упрекать — переводчика или автора? Не естественно ли заподозрить штампы скорей в переводе, чем в подлиннике, если эти штампы чисто языкового свойства? Такие фразы, например, как «Ты чаруешь улыбой и светом» или «Душе — парашки два крыла» и ряд подобных звучат необыкновенно штампово на русском языке. Казово бы ни было их знание по-армянски, — заблужденный мастер русского стиха органически не мог бы перевести подобным образом. Так или иначе, это — языковая небрежность и халатность в переводе. Если возьмем стихи поэты Ахавии: в них чувствуется глубокая и тонкая поэтичность, сдержанная где-то за неуловимостью перевода. Там же, где в переводе чувствуется штамп, стихи Ахавии начинают звучать истинным голосом подлинника. И так в ряде случаев. Неровности и качественные несообразности в отдельных строках Овалеса Шираза также позволяют на мысль об усталости или небрежности переводчиков.

Неумение переводчика прислушаться к звучанию поэты или затеивать смысл некоторых стихов. Эта небрежность также на совести редактора.

Все же общий уровень переводов следует признать выше, чем во многих других сборниках национальной поэзии, изданных Гослитиздатом. И С. Шереметский, и В. Лерманский, и В. Звягинцев, и С. Мар ряд вещей перевели не только чисто, но и любя.

Книга «Молодая поэзия Армении» — светлая, ясная книга. Струя народности и родства с фольклорной поэзией сливается здесь с линией хорошего ученичества у классиков. Для новых и свежих тем молодые поэты пробуют множество форм — от старинного восточного стиха до прозы, полурозантеских вступлений. Культура, исторические знания, умение мыслить чувствуется у молодых советских поэтов, написавших эту книгу. Здесь — одно из тысяч замечательных свидетельств о правильности нашей политики, о верном пути нашего исторического пути!

Праздник

Богд Оленни из толстовских «Казанков» впервые увидел вершины Кавказского хребта, он не мог уже думать о чем-нибудь, не возвращаясь все время к мысли о горах.

На спектаклях декады армянского искусства ощущаешь чувство, несколько похожее на то, что описано в «Казанках». На сцене разворачивается многоцветное зрелище, звучат обаятельные мелодии песен и арий, маршируют воины, пляшут девушки, но зритель, отдаваясь этим впечатлениям, непереставно возвращается к одной и той же мысли.

Эта мысль — о прошлом народа, о его трагических судьбах, об изумительной стойкости, с которой он пронес через все исторические испытания свою простую и прекрасную любовь к песне, стиху и орнаменту.

Едва на первом спектакле раскрылся занавес, как зритель уже охватило это «оленское» чувство. В первом акте «Алмаст» М. Сарьян изобразил полуразрушенную древнюю церковь. Эти наполненные образами в шепель и прах старинные армянские строения составляли как бы подробность армянского пейзажа.

В библиотеках, хранящихся в армянских монастырях, удавалось обить книги по военной истории — начиная с «Нероных биографий славных полководцев» и кончая безымянными трудами о Чингисхане.

Достаточно хоть немного познакомиться с прошлым Армении, чтобы понять этот интерес к военному делу. Один из историков древности, следуя воззрениям, которые с большим напугом политическую мораль буржуазии XIX века, писал о том, что «всякое преступление на чужой земле должно радовать нас». Эти преступления на чужой земле, кровавые и беспощадные, и составляют историю страны Наира. Армянские воины падали, защищая свою страну и свой народ от «преступлений на чужой земле», от полчищ Тиглат-Феласара и Александра Македонского, Луккула и Тамарлана, от ассирийцев, греков, римлян, монголов, турок, персов.

Богд просвещенный парский администратор Шопен по поручению Николая I оставил полное описание Армении, он пришел к твердому выводу, что армянский народ обречен на вырождение. В своем обширном труде Шопен холодно, по-чиновничьи писал: «Природные жители Армении подлежат считать упавшей нацией».

«Надлежит считать упавшей нацией... Сколько преступлений против народа и народного гения было совершено под прикрытием этого бута во научного вывала! И многие из тех поэтов, музыкантов, артистов, с которыми мы знакомимся в эти дни, успели слишком хорошо испытать на своих себе, как паразит претворил в политическую практику теорию вырождения народов.

Столетия «преступлений на чужой земле», столетия войн, погромов и преследований революция противопоставила два десятилетия свободного и творческого существования. Народ, равнодушно записанный в «упавший» и совсем не равнодушно преследовавшийся в качестве «упавшего», демонстрирует теперь перед нами часть своих духовных богатств.

Мне довелось побывать в Ереване в

тот самый год, когда там оперный театр только организовывался. Город строился — воплощался в жизнь вдохновенный план замечательного архитектора Таманяна. Среди восковых лачуг с железными решетками на окнах громоздились разноцветные кучи разваленного туфа — розового и бледнозеленого, из которого воздвигались здания. Город был полон шумов.

И в эти шуми города, древнего и очень молодого, врывались мелодии «Алмаст» и «Кармен», в Доме культуры шли первые репетиции будущих оперных спектаклей. Все чаще в беседах ереванцев произносилось имя Спендиарова, произносились с поющим уважением. Как жалко, что этот скромный человек и большой художник не дождался этих дней!

В оперном спектакле существуют элементы, для которых время — фактор большой важности. Чтобы создать, например, хороший оркестр, который не только чисто играет, но и живет в звуках сложной и творческой жизни, недостаточно одного наличия отличных музыкантов, нужно еще время. Хороший симфонический оркестр создается годами упорного коллективного труда.

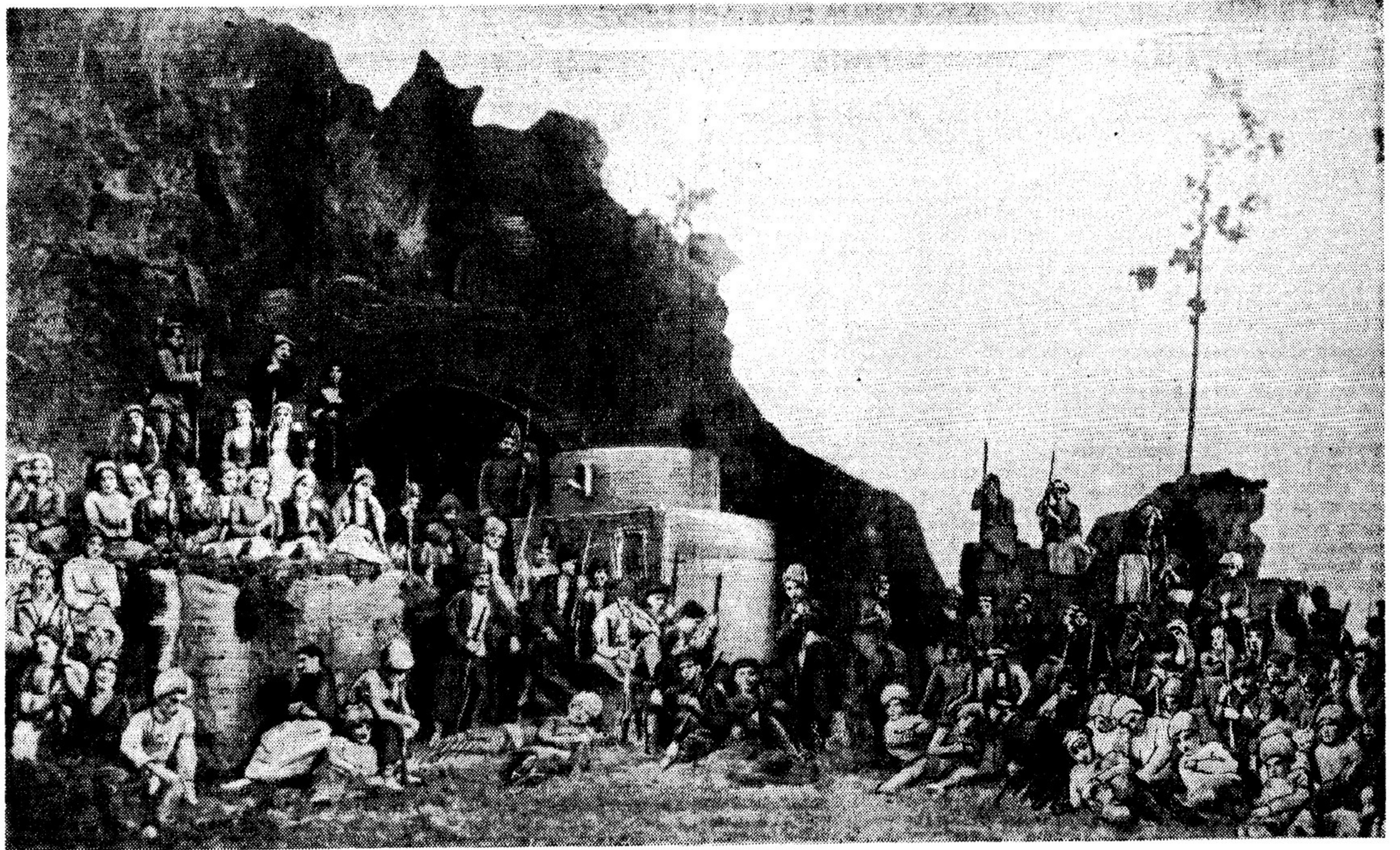
Времени в распоряжении наших сегодняшних гостей было, в сущности, совсем немного. От первых, еще сырых оперных спектаклей в Ереване прошло только несколько лет. Тем более удивляешься высоким качествам оркестра. Его игра, четкая, выверенная, гибкая и, я бы сказал, поэтическая (ибо есть оркестры, страдающие прозаизмом своего звучания), заслуживает высокой похвалы. То же самое следует сказать и о хоре. Налого запомнится хор девушек во втором акте «Алмаст». С совершенно исключительным мастерством был исполнен хор à capella во втором действии «Ангуш». Изумительное по тонкой и своеобразной тембровой окраске пение! Смело можно утверждать, что здесь есть чему поучиться лучшим музыкальным коллективам нашей страны.

Исполнители «Алмаст» хорошо уловили одну из основных черт творчества Спендиарова — благородную сдержанность, идущую не от сухости, но от романтизма, а от бережного и любовного отношения к музыкальному материалу. «Алмаст» предстает перед слушателем освоенной от той преувеличенности, крикливости и позирования, которые все еще так часто дают себя знать на оперной сцене.

В простоте и ясности общих линий, в отсутствии мелких театральны ухищрений, в чистоте общего тона сказывается не только хорошая музыкальная и сценическая культура. Везде каждый из спектаклей, которые привезли в Москву наши гости, пронизан духом народного праздника. И этот дух не терпит ничего мелкого, суетливого, лишнего или смутного.

Думается, что и те, кто зрелище, но сами исполнители, творца на сцене, вероятно в своей душе по-оленски обрабатывают в воспоминаниях о прошлом своего народа, и в этих воспоминаниях черпают не скорбь, а величайшее чувство радости, которое, собственно говоря, и является подлинным лейтмотивом показанных нам спектаклей.

История в конечном счете дала все основания для этой радости.

ДЕКАДА АРМЯНСКОГО ИСКУССТВА В МОСКВЕ. Сцена из пятого действия оперы «Лусабацин». («На рассвете») Фото Р. Бенарис.

Так было

О фильме «Минин и Пожарский»

«Расскази, Москва-красавица, про дела, про беды позабытые, про поля, победы, про битвы...»

Так начинается фильм. Поляки угоняют скот, вырезают крестьян, жгут деревни и села. Дым стелется над великим запустением и бедою. Одичавшие пчелы роятся не в ульях — в человеческих черепках.

Автор сценария В. Шкловский и режиссеры В. Пудовкин и М. Доллер не стеснялись красок. Они построили фильм как хроника — почти документально. Так было. Разорение Русской земли поляками было именно таким.

Сухие акты обезлюдения пострадавших районов отразили это в цифрах и фактах. Это — сплошной мартиролог земель, откуда, казалось, навеки ушла жизнь.

Один из таких документов рисует разгром Переславского уезда. Оказывается, что Федоровская слобода была вся выжжена до кола, а крестьяне посечены; что в селе Шльинском все крестьяне с женами и детьми перебиты; что из тринадцати деревень — восемь сожжены без остатка, а в пяти деревнях осталось по одной избе...

Пытаюсь сломить народ, поляки его истребляли. Они стремились лишить его национальной независимости, подчинить и унижить. Ответом на это явился мощный подъем патриотического чувства, объединивший народные массы для освобождения страны.

Одно важное обстоятельство имело здесь решающее значение.

В начале XVII века в Московском государстве шла крестьянская война. Польская интервенция неслучайно восставала на крестьянском заблуждении. Когда бояре-реинженеры договорились с королем Сигизмундом — один из пунктов этого договора предвещал закрепощение крестьян.

Но договор бояр с панями был по достоинству оценен народом. Он отверг польские предложения и не признал временного московского правительства — так называемой «семибоярщины». Отдельные области вступали в сношения между собой и объявляли: «а бояр нам не хотим, против бояр стоять нам всем заодно».

Вот почему Минин и Пожарский обрели в своих грамотах к посадкам

к холопам и крестьянам, к мораве, черемисам, чувашам, татарам.

Стихия крестьянской войны влилась в русло всенародного национально-освободительного движения, и демократические элементы сыграли в нем главную роль...

Герой фильма — народ, герой, беззаветно любящий свою родину, страдающий, борющийся и побеждающий. И, как олицетворение этих качеств, вполне историчен придуманный персонаж — кабаный теленок Роман.

Роман — беглый; он — обезьяньей современности стельника Орлова; его бывший владелец принадлежит к категории «перелетов» — тех предателей, что в погоне за «жадованьем», т. е. за поместьями и крепостными, переметывались из одного лагеря в другой «по пять и по десять раз».

Пути беглого холопа, ставшего правой рукой Пожарского, и стельника-изменника скрещиваются. В центральном месте фильма происходит встреча классовых врагов.

Пойманый оленцами стельник вылезает из стога сена. «Кто ты?!» — «Свои... русские!» — многозначительно говорит Роман, обнажает саблю и бегает за свою обиду, за обиду народа и государства. Он слишком прав и не может не победить...

Многое в фильме построено на документах и потому особенно ценно. К таким удачным находкам надо отнести кадры, где отряну иноземцев-наемников отказывают в приеме на службу. Впрочем, исторический источник излагает дело несколько иначе и, надо сказать, с большей остротой.

Этот замечательный эпизод из истории ополчения 1612 года чрезвычайно характерен как яркий пример проявления русской национальной гордости.

А было это так.

В русский лагерь прибыл иноземный посол по имени Яков Шу и привез грамоту от группы «заморских» военных специалистов — просьбу принять их в идушие освобождать Москву войска.

Предложение было отнюдь не бескорыстным; «ратные иноземные люди» откровенно писали:

«о том нам ответ учините по нынешней летней дороге, чтоб можно было прийти корабельным ходом, чтоб нынеш-

нее лето у нас даром не прошло, надеючися на вас».

И «выборные от всей земли» — Минин, князь Дмитрий Пожарский — и все русские воеводы отпустили посла, вручив ему (приблизительно) такой ответ:

«Наемные люди других государств ныне не пакобы. Пока Московское государство было в розни — были опасны для него поляки. А ныне все Московское государство учинилось в соединении и против поляков людей стало единомысленно. Надеемся мы оборониться от поляков сами — без наемных иноземцев. А им бы в Московское государство не ходить и себе своим приходом убытков не чинить...»

Любопытная деталь: в этом же документе сказано о Пожарском, что он избрался народом «за дороство и за храбрость»; но слова эти зачеркнуты и вместо них написано: «за разум и за правду». «Дороство» в данном случае означало родовитость и не имело существенного значения. Храбрость же была настолько общезвестна, что о ней не стоило особо говорить.

Ее проявили на деле вожди ополчения и русский народ в боях с поляками под Москвою.

Автор сценария и постановщик показали батальные эпизоды очень подробно, с тщательной разработкой деталей и подлинным мастерством.

Отдельные кадры великолепны. Своеобразные запоминающиеся образы созданы актерами: Чирковым (Роман), Горюновым (гетман Ходкевич) и Свердловым (стельник Орлов).

Массовая сцена в Нижнем не вполне удачна: нижегородские купцы слишком толсты и бороздаты; они изображены не очень всерьез.

Но в общем кинокартина «Минин и Пожарский» реалистична; буффория в ней сравнительно мало оптимизма. И это приближает к зрителю фильм.

Одно из главных его достоинств это — новизна в трактовке темы. Героическая страница русской истории прочитана заново: изгнанию польских интервентов показано как самоотверженный подвиг народной массы и одновременно как заключительный этап первой в России крестьянской войны.

ГЕОРГИЙ ШТОРМ

Борис СКОРБИН

Сердце

Нет, ни за что, никогда не забуду, все, что увидел в походах, в борьбе. ... Сердце — комок кровеносных сосудов, какая великая сила в тебе! Первую радость любви беспредельной, которой полна и горла молодежь, Гневную несправедливость, боль оскорбленья — Ты все сохраняешь. Ты все бережешь. Под жесткой шинелью, в боях и походах, На всех перепутьях, где буйствовал враг, Несли мы любовь к трудовому народу, И ненависть к пану несли мы в сердцах. ...Таким прошли. Пронеслись батареи. Зная, что это — начало конца, Блестя глумили, глумясь и зверя, Паны у крестьян вырезали сердца. Колоди штыками, топтали упавших, Ломаля заплета, кровавая висок... И падали навзничь товарищи наши, Ругки свои протянув на восток. С востока мы шли сокрушающей силой. Паны перестали орудовать бряцать... Люди навстречу цветы выносили, Люди свет раскрывали сердца. Скоро чудесной преустренной ранью наполнены счастьем, свободным от пут, К Народному (первому, братья!) соборью Любовь, благородность они принесут, Желания строить, творить и бороться И славить того, кто на счастье живет. ...В груди у народа великого бьется бессмертное сердце — бессмертен народ.

Грибоедов в Московском университете

Университетские годы А. С. Грибоедова в литературе освещены чрезвычайно скупо. Почти никаких документов о пребывании его в Московском университете не сохранилось. Причина тому — московский пожар 1812 г., в огне которого погибло почти все имущество университета и архив с интереснейшими материалами по истории первого в нашей стране университета и «личными делами» его бывших «штотомов»-студентов, в том числе Фонвина, Радищева, Н. И. Новикова, Жуковского, Грибоедова.

Каждый сохранившийся документ считается теперь большой редкостью. На днях были найдены неизвестные до сих пор материалы, относящиеся к студентскому периоду А. С. Грибоедова. Обнаружена была случайно уцелевшая от пожара рукописная книга, в которую записывались имена получивших от ректора письменное позволение слушать профессорские лекции.

Эта книга начинается записями с 1 сентября 1810 г. Под № 47 мы встречаем собственноручную запись студента А. С. Грибоедова: «Александр Грибоедов Московского Университета Кандидат Словесности». В следующем разделе этой книги, в списках студентов на 1811-12 год

под № 156 мы читаем снова: «Александр Грибоедов», а в графе, где студенты вносили фамилии профессоров, лекции которых они желают слушать, Грибоедов пишет: «Рейнгард, Штедлер, Шленер, Сандунов». В Московском университете Рейнгард читал философию, естественное и народное право; Штедлер (вернее Штельдер) — энциклопедию всеобщую и энциклопедию права римское право, законодательства средних и новых веков; Шленер — политэкономии; Сандунов — систему российского законодательства.

Среди других студентов в этой книге мы встречаем записи: Никиты Всеволожского, друга А. С. Пушкина и основателя общества «Зеленая лампа», и декабриста Никиты Муравьева.

Любопытно, что вопреки традиционным правилам писать в этой книге на латинском языке, Грибоедов (и некоторые другие студенты) пишет по-русски, несмотря на блестящее знание языков.

Этот интересный документ уцелел от пожара, будучи взятым с некоторыми немалыми книгами и рукописями при эвакуации университета в 1812 году из Москвы в Нижний-Новгород.

В. СОРОКИН

Мариэтта ШАГИНЯ

«Алмаст»

«Алмаст» — это счастливый образец подлинной, настоящей драматургии, такой, какая нужна советскому искусству. А. А. Спендиаров, захвативший острим драматизмом характеров и положений, отдал им весь свой человеческий и музыкальный опыт, он вложил в «Алмаст» больше, нежели даже сам думал, — все, чем жила последние годы после переезда в Армению, все, что незримо и неведомо накапливалось в нем от новых, необычайных советских впечатлений, от нового чувства родины, от выросшей к себе требовательности.

Спендиаров не дождал до нашего времени, когда корни искусства обнажены и преемственность между прошлым и настоящим видна отчетливо. Но в самой его вени, созданной на гениальном туманянском тексте, заложены начала, неминуемо растущие вместе с советским зрителем, его вкусом и опытом. «Алмаст» будет жить, она будет всегда говорить с современностью.

В чем сила характеров «Алмаст»? У Чернышевского в «Что делать?» есть замечательный анализ, который нужно бы нанудать звучать всем нам, работникам искусства. Говоря об одной из своих героинь, чуть было не продавшей собственную дочь, Чернышевский, неожиданно для читателя, вдруг произносит ей хвалебное слово. Ты, — говорит ей Чернышевский, — другой человек, но не драмной человек. Что это значит? Драмной делает зло, когда ему выгодно, и не станет делать зло зря и ради самого зла; он сделал дурным отрицательными сторонами своего об-

щественного строя; при другом, лучшем, строе его стремление жить хорошо, его сильный характер и смелые, ловкие качества найдут себе настоящее применение, и он сможет стать полезным обществу. Но драмной человек творит зло бесмысленно, из-за своего зла, он слабодушен и даже лишен чувства личной выгоды, борьбы за себя, он выдумщик от пустоты, у него психология паразита. И таким он останется при всех обстоятельствах. Этот анализ различия между драмным и дурным — классический в нашей литературе — открывает глаза на социальное происхождение характера и дает художнику ключ к трактовке отрицательного персонажа.

Кто же Алмаст, главная героиня драмы? Как ее трактовать на сцене? Может быть, это демоническая женщина с яркой волей к действию и сознанием цели, в своем роде армянская леди Макбет? Может быть, ее таланты и характер рвутся на широкую арену, ищут себе выхода из женской половины феодального замка? Тонко и беспощадно, — в разведочности, бесцельном суверенитете, внутренней пустоте и неясности, в лихорадочной бесцельности, — встает образ Алмаст, нарисованный Туманяном и оживленный в звуках Спендиарова, как тип, очень новый в литературе, но уже ставший нам исторически очень знакомым, во всей его страшной внутренней опустошенности. И мы знаем, что в блестящем анализе Чернышевского этот тип пошел бы по рубрике не «дурных», а «драмных».

В ее предельности ни читатель поэмы, ни слушатель оперы, ни даже сами герои не могут найти никакой реальной мотивировки.

Ты знала блеск, и счастье, и покой. Ужель тебе той славы мало было? Так почему ж своим ты изменила? — говорит ей в драме Надир-шах. Или, по русской поговорке, — «от добра добра не ищут». Тщеславие — вот единственный, сколько-нибудь понятный реальным стимулом поступка Алмаст. Прощенная мне нет, — говорит она сама. Ни один голос не поднимается в ее защиту. Страшная сила последней страницы драмы как раз в том, что Алмаст осуждают на смерть даже не как человека. Ее бесцельный поступок, ворованный в живую историческую борьбу реальных сил и интересов народных масс, — осуждают сам себя, она жаждет сам себя так убедительно, что такому существу, как Алмаст, просто нельзя дать жить.

Создать образ Алмаст на сцене таким, каким он встает из текста, без всякой внутренней попытки чем-то оправдать или приукрасить этот образ, — для оперной актрисы необычайно трудно; здесь нужны годы поисков, материал для оравнительной оценки, установление традиций, критика, дискуссия, что, конечно, придет со временем. Важно для нас, что театр в «Алмаст» получил богатейший драматургический материал, над которым нельзя не задуматься при постановке.

Как же решил задачу Армянский государственный театр? Не углубляя Алмаст игрой актрисы, он дал тем не менее яркую ее характеристику в противопоставлении ей линии (и в постоянном сценическом одиночестве этой линии) всему остальному действию. Живет хор, живут коллектив воинов, Гаяне и Рубэн, живет

в постоянном сопровождении хора герой Татуй, все они борются и творят историю ради ясных, понятных, общих целей, и безмерно одинока Алмаст, нет ни одной любящей сцены ее даже с мужем, — и даже там, где направляется дуг, его не возмущает («Как почт тыка, чумки твои проз...»). Только в одном месте (в Татуйке Сазандария (очень талантливой актрисе) неожиданно дает зрителью полный охват. Алмаст — в армянском танце рук. Женский армянский танец, где все время выразительно играют ладони, кисти и пальцы, когда его пляшут в народе, имеет в себе что-то глубоко целомудренное и астенное, Руха говорит, потому что глаза опущены, рука говорит рабочим, милым жестом, как бы все время связанным со сунитком, приглаголюющим и отстраняющим его, ведущим его за собой в танце. У Сазандария немая, языканная, изгибающаяся жесткая линия, которая не ведет, не пресит, не устанавливает связи. Она уныло жила, если можно так выразиться, народную солидарность этого танца, в пустоте изгибается один ее руки. Беспокойный образ, созданный Сазандария, запоминается, и хотелось бы, чтобы актриса поработала над ним еще и еще.

О постановке в целом, о мастерских декорациях Сарьяна писалось уже очень много, и не стоит повторяться. Сарьян дал монументальную армянскую архитектуру и орнамент, отведя природе очень мало места; повликому, над работой его довели образ крепости Тмакерт и желание дать зрителью представление об армянском золотстве. Не покорится ему нельзя — декорации прекрасны, хотелось бы только видеть эти каменные интерьеры, хоть однажды несколько более размыкнутыми для неба и природы, потому что основное впечатление даже от четвертого акта — чувство камня. Но о чем пришлось пожалеть особенно, это о том, что театр не привез для декады чудесного театрального занавеса работы Сарьяна, тепло и ярко

дающего почувствовать современную Армению.

Из чисто режиссерских находок — хорошо ритмическое прохождение, по частям, перисидских войск в знаменитом марше. Маленькими группами воинов вместе с музыкой дается нарастающее чувство массы.

Публика очень тепло принимает пляску мужчин в третьем акте. Между тем именно в этой пляске балетмейстер Арбагов (хорошо и с соблюдением максимума народности поставивший пляску женщины) отошел, к сожалению, слишком сильно от народного танца и крепко его балетизировал. Сильные костюмы мужчин тоже очень далеки от народных. В сцене петушиного боя есть что-то от «Золотого петушка» в облике второго петуха, и вся сцена носит чересчур стилизованный характер, в ней горадо меньше крепкого народного юмора, чем могло бы и должно быть. Вот те немногие замечания, которые хочется по поводу постановки сделать, если быть уж очень придирчивым.

О музыке «Алмаст» нужно говорить отдельно. Это — своеобразная энциклопедия восточного мелоса в филигранной европейской оправе. И для молодой армянской оперы, для новых композиторов она будет еще долго служить неисчерпаемым источником. Скажу только несколько слов о двух моментах, не подмеченных критикой или неправильно оцененных ею (Гольденвейбер). Как повествование, Спендиаров ввел в оперу пантомиму и ввел ее не вставными эпизодами, а по ходу действия, — в самую напряженную минуту действия. Когда Алмаст начинает свое предельство — крадется ночью, среди заснувших в беспмятстве воинов, на миг задержавшись взглядом на освещенном лице мужа, с факелом и оружием предельского сигнала — в руках, она, конечно, могла бы спеть арию или даже дуг с оставави-

вающей ее Гаяне. И это было бы одной из тех оперных традиций (петь среди спящих, не будя их), которые и привели к существованию оперных «вмешку». Но музыка, тут тихо переходящая в симфонию, передает слушателю тревожную тему намерения, а действие разгравляется безмерно, как пантомима, и после шумного и веселого акта (хор, пляска) именно эта тишина, лишенная голоса, и производит особенно сильное действие на зрителя. Гольденвейбер неправ, говоря, что здесь недостает голоса. Наоборот, этот новый сценический прием богат, без сомнения, подвечен и использован будущими советскими операми в местах наибольшей, трагической напряженности действия.

И еще на одну деталь хочется обратить внимание молодых музыкантов. В опере персидский марш звучит второй раз, но при другой обстановке. В первом действии персидский марш победно и радостно сопровождается выход персидских войск на пшум крепости. Ступающая, вместе с войском на сцене, слышит его араванельным, прозрачно-блurred, поливающим. И вот в конце третьего акта, при помощи предельства Алмаст, то же войско и с тем же маршем входит в захваченную крепость, где пробудившиеся обманутые армянские воины, взятые врасплох, начинают отчаянно защищаться. Как раз тогда, марш должен звучать попржежнее. Но его слушают побежденные, и он воспринимается ими, а вместе с ними и в зале, уже не как победный марш, а как нежеланное, трагическое, вразское нашествие. Та же знакомая мелодия, в том же ритме — звучит совсем другой — мрачной, разлаженной оркестровой краской, — так изумительно владеет Спендиаров тайно тембра.

В РОДНОМ СЕЛЕ ИВАНА ФРАНКА

КНЕВ. (От наш. корр.). Недалеко от Дрогобыча находится село Нагуевичи, в котором родился великий украинский писатель Иван Франко.

В селе осталась единственная память о писателе — маленькая деревянная табличка: «Место, где родился Иван Франко». Эту табличку поставили в 1936 году. Тогда жители окрестных сел собрались создать на месте, где был дом Франко, украинский рабочий летний дом, собирая для этой цели деньги. Но польское правительство сразу же пресекло их действия.

Польские власти уничтожали все, что связано с памятью писателя. Даже старый ветхистый луб, под которым Франко любил писать свои стихотворения, убитый кендз распорядился срубить, чтобы не распространять ересь и волюнтаризм среди людей. Польские улазы ходили по избам, собирали произведения Франко и сжигали их на кострах.

Еще и до сих пор в Нагуевичах живут родственники писателя. Его родной брат, Захар Франко, почти всю свою жизнь проработал рабочим на нефтяных промыслах в Бориславе. Он с любованием, со слезами радости встретил красноармейские части, вошедшие в село. С родственниками писателя — Илем и Михайлом Франко — по-прежнему расправляются польские саперы: они были повешены за организацию крестьянских выступлений против помещиков.

Другой родственник писателя — Никола Франко — за революционную работу в приходе Красной Армии сидел в тюрьме, ожидала его на день смертной казни.

В Нагуевичах живет 500 семей украинцев и только две семьи поляков. Но в селе не было ни одной украинской школы, ни одного украинского учителя.

Сейчас Нагуевичи, как и вся Западная Украина, воспрянули к новой жизни. Жители села с нетерпением ждут решения Народного Собрания о присоединении к цветущей Советской Украине.

ПО СОВЕТСКОЙ СТРАНЕ

КАЛМЫКИ

В 1940 году калмыцкий народ празднует пятидесятилетие своего героического эпоса «Джангар».

На протяжении многих веков калмыцкий народ вел борьбу за свою национальную и государственную самостоятельность против чингисхановской Монголии, Манчжурской династии, императорского Китая и других соседних племен. Но только в середине XV века, точнее к 1440 г., калмыки (одраты) собрали достаточно сил, чтобы полностью разгромить их вечных угнетателей.

Этот период в истории ойратов (калмыков) был ознаменован необычайно подъемом национального самосознания, единением народа и образованием первого калмыцкого государства под названием «Союз четырех племен» (дербен-одраты).

Величайшим литературным памятником этой эпохи и является эпос «Джангар». После Октябрьской революции «Джангар» получила еще более широкое распространение. Широко распространена она и среди калмыков, живущих в Синьцзяне (Китай), в Монгольской народной республике и на Алтае.

В настоящее время в г. Элиста создан республиканский юбилейный комитет по празднованию 500-летия «Джангара», возглавляемый председателем СНК Калмыкии тов. Н. Л. Гаревым.

В ознаменование юбилея намечается съезд советских писателей и жангаристов Калмыкии, с участием крупнейших писателей Советского Союза, фольклористов, переводчиков эпоса на языки народов СССР.

КАЗАХСТАН

По примеру Москвы, союз советских писателей Казахстана открывает 25 октября двухмесячные курсы-конференцию молодых писателей Казахской ССР. В программе курсов — ознакомление писателей с произведениями мировой литературы, с историей критики, теорией литературы, стилистики. Писатели просматривают ряд постановок в театрах и посещают музей Алматы.

На концерте Сурена Кочаряна

«...Вот начало: был нехристь Халиф, Да еще был армянский царь. Парская дочь красавица была, Завалась Повинар-ханум, Повинар-ханум — госпожа морей...»

Так начинается композиция «Давид Саусунский» написанная и исполняемая заслуженным деятелем искусств Армении Суреном Кочаряном. Стих за стихом льются слова гениальной поэмы и поражают слушателей мудростью и провидением народа, создавшего ее тысячу лет назад. Еще вышуклей и ярче становятся отдельные строки эпоса, подчеркивающие умной интонацией, выразительным жестом артиста.

Целый вечер длится чтение композиции, но ни на минуту не ослабевают внимание зала. Сурен Кочарян читает мастерски. Сильный и чистый голос его превосходно передает героический пафос поэмы, ее глубокую лиричность, ее легкий и тонкий юмор. Какой тоской и как призывно звучит в исполнении С. Кочаряна обращение молодого Мерак к отцу и к матери. Зато заключительные строки композиции, полные символического смысла:

«...Тогда придет и мой день, Отсюда я выйду тогда, Когда разрушится мир и воздвигнется вновь!»

звучат у артиста как священная клятва, как пророчество.

Москва знает Сурена Кочаряна по нескольким его работам.

Успех новой работы С. Кочаряна «Давид Саусунский», которую он впервые показал на днях в Москве, вполне заслужен. Композиция дает полное представление об эпосе в целом.

Литературные концерты первого армянского поэта Сурена Кочаряна несомненно способствуют широкой популярности поэмы. Но нужно, чтобы они устраивались не только в Армении, Москве и двух-трех крупных центрах, но и в более отдаленных местах, где еще мало известен этот памятник армянской культуры.

Е. ПЕЛЬСОН

Кадры из фильма «Минин и Пожарский». Слева — Минин (артист А. А. Ханов), справа — князь Пожарский (народный артист РСФСР Б. Н. Ливанов)

Вечер армянской литературы

Новое стихотворение Наира Зарьяна «Армения» заканчивается словами: «Ты рядом с братьями, народ, в кругу родных племен, И солнце Сталина горит в шлему твоих знамен».

Эти слова находят себе новое подтверждение в блестящем успехе, с которым проходит в Москве декада армянского искусства, и во встрече писателей, приехавших в эти дни в гости к своим московским друзьям по перу.

Тепло и радушно встретили их московские писатели в своем клубе 23 октября. Армянских гостей горячо приветствовал А. Фадеев, открывший этот вечер.

— Традиции дружбы армянской и русской литературы, — сказал он, — восходят еще к XIX веку, к Грибоедову, который был тесно связан с армянской культурой и много сделал для ее сближения с русской культурой. Так же, как лучшие представители армянской литературы сделали достоянием своего народа образцы русской классической литературы, — русские писатели и поэты с любовью и волнением трудятся над переводами прекрасной поэзии Армении, созданной Ованесом, Туманяном и нашим живым классиком и гостем Аветиком Исаакяном. След за парным эпосом «Давид Саусунский», ставшим во последнее время широко известным всем народам Советского Союза, имена армянских классиков недавних веков Раффи, Пароняна, Кучака, Фрига и других должны стать близкими каждому грамотному советскому человеку.

И как на каждом вечере русско-армянской литературы, в этот день было названо имя Валерия Яковлевича Брюсова.

Горячими аплодисментами встречал зал слова приветствия т. Фадеева, обращенные к старейшим армянским современным мастерам стиха и прозы Аветику Исаакяну, Д. Демирчяну, М. Арази, М. Манвелову, Ст. Зоряну, к представителям среднего поколения писателей — Наира Зарьяну, Гегам Сарьяну, С. Торонци, и наконец, к молодой растущей армянской литературе в лице Г. Кочаря, Х. Тапалцана, Г. Боряна, Г. Айрыта, Б. Карапетяна, Сильвы Капутиян, А. Аракс.

Литературовед С. Арутюнян сделал доклад о пути развития армянской литературы, начиная от древнейшего фольклора до христианской эры и кончая поэзией, поэмами и романами о наших гениальных вождях Ленине и Сталине, о нашей замечательной действительности.

С. Арутюнян заканчивает свой доклад анализом советской армянской литературы, основоположником которой является Ашот Аконян.

Литературная часть вечера завершилась выступлением поэтов Г. Айрыта, Б. Боряна, Н. Зарьяна, А. Исаакяна, С. Капутиян, Б. Карапетяна и С. Торонци, читавших свои стихи на родном языке. Русские переводы их произведений читали П. Антокольский, А. Гатов, В. Державин, В. Звягинцева и С. Шеринский.

Вечер армянской литературы и искусства закончился большим концертом, в котором приняли участие: Г. Габриелян, П. Лисициан, Т. Сазаданян, Т. Хачатурян и пианист Дюлухьян.

Сокращенный вариант этой выставки делается Гослитмузеем для московских заводов и клубов. Кроме того, им подготовлена передвижная выставка.

Юбилейный комитет поставил перед Гослитмузеем вопрос об устройстве на выставке Шедрина в Кропоткинском доме утолка Чернышевского.

Выходят в свет XI том полного собрания сочинений, в котором напечатано в двух вариантах «Что делать?», монография о писателе И. Новича и популярная брошюра Л. Лебедева-Поланского.

Литературно-критические статьи Н. Г. Чернышевского выходят в двух изданиях — столичном тиражом в школьной серии и 25-тысячным тиражом — в дешевой серии. «Что делать?» выпускается отдельно массовым 25-тысячным тиражом.

Академик И. К. Лупинюк сделал сообщение о научных сессиях, посвященных Н. Г. Чернышевскому в Москве.

26 октября в Московском клубе писателей состоится научная сессия Института мировой литературы им. А. Горького.

27 октября состоится совместное заседание отделения литературы и языка, отделения экономики и права и отделения истории и философии Академии наук СССР.

К юбилею

Н. Г. Чернышевского

23 октября на заседании юбилейного комитета Академии наук СССР и союза советских писателей по ознаменованию 50-летия со дня смерти Н. Г. Чернышевского была утверждена программа юбилейных дней.

Подготовка к юбилею широко развернулась по всей стране. Вечера памяти великого писателя проходят в высшей и средней школе, в клубах и на предприятиях. По московским предприятиям и клубам, в частности, состоится около двухсот докладов и вечеров. Широко использовано радио.

В кулуарах Колонного зала Дома совхозов 23 октября откроется выставка, посвященная Чернышевскому, устраиваемая Государственным литературным музеем.

В Москве очень мало историко-литературных материалов по Чернышевскому, и Гослитмузей использовал для выставки, наряду с саратовскими материалами, копии с документов из ленинградских хранилищ. При этом были обнаружены некоторые неизвестные еще литературоведению или малоизвестные материалы. Гослитмузей заказал для выставки советским художникам картины, иллюстрирующие роман «Что делать?»

себя никак не проявляют; по Смоленской — активно работают Дроздов, Лейтес, Лавров, Доскутов, Стонов. Член комиссии поэт Мих. Голынский не делает ничего; из четырех членов Новосибирской комиссии: Сельвинский, Платонов, Фраерман, Алтыман — только последний работает, выезжал в Новосибирск.

Слабо проявляет себя Ростовская комиссия. В ее составе активно работали лишь Исыенский и Серебрянский. Между тем, писательская организация Ростова одна из самых многочисленных. Имена ростовских писателей: Шолохова-Синяева, Оленчик-Гененко, Штительмана, Софронова, Каца известны в советской литературе.

Куйбышевская (Чертова, Гроссман В.), Краснодарская (Чернышевский, Фин), Омская (Митрофанов) и Челябинская (Рахтанов, Пахтеррейтер) комиссии почти не проявляют признаков жизни.

Областные комиссии существуют уже второй год, но у бюро до сих пор нет ясного представления о литературной жизни некоторых областей. Такие неведомые области принято здесь называть «белыми пятнами». Как ни удивительно, некоторые из этих «белых пятен» расположены всего лишь в нескольких часах езды от Москвы (Тула, Курск и т. п.).

В феврале на единственном за все время совещаниях областных комиссий были сказаны хорошие слова: «Пожелаем самим себе и другим успеха в, самое главное, — чтобы хороший поэт не пропал». К великому нашему огорчению, потом все же пропал.

Деятельность комиссий для творческой помощи писателям, живущим в областях, оказалась и продолжает оказывать благотворное влияние на работу местных писательских организаций. За последний год многие писатели, живущие в областях, вышли на широкую литературную дорогу, их произведения хорошо известны советскому читателю. Достигнуто это, конечно, также с помощью областных комиссий. Нет надобности перечислять имена всех этих писателей. Дело не в этом.

Мы хотим лишь сказать, что деятельность областных комиссий союза советских писателей была бы гораздо плодотворнее, многограннее и ощутимее, если бы этот положительный опыт некоторых комиссий как-то использовался и распространялся.

Передача опыта лучших комиссий остальным (не обязательно, конечно, в форме совещаний), соразвитие между областными комиссиями, гласность в их работе пока что отсутствуют, также как и контроль над их деятельностью.

Следует сказать, что президиум ССП за год существования комиссий ни разу не заслушал обстоятельного отчета о деятельности какой-либо из них.

Не чувствуется организующей роли областных комиссий. Они, например, не придают значения таким явлениям, когда многие писатели некоторых областей ограничивают свое творчество исторической темой, теряют живую связь с современностью. А ведь об этом можно было бы много и горячо поспорить.

Областные комиссии — сугубо творческие организации. Между тем ныне писатели, живущие в областях, рассматривают их как некие «литературно-посреднические бюро», присылают рукописи для «проталкивания», «на всякий случай», «может, кто-нибудь заинтересуется».

Бюро областных комиссий установило в свое время деловой контакт с издательством «Советский писатель». Надо добиться такого положения, чтобы в плане издательства было больше книг писателей, живущих в областях. Наши толстые журналы очень скупно представляют свои страницы для произведений областных писателей и статей об их творчестве.

Сейчас бюро областных комиссий проводит подготовку к открытию первых курсов-конференций областных писателей. Это мероприятие огромной пользы и важности. Оно должно, кроме всего прочего, помочь областным комиссиям установить непосредственную творческую связь с писателями, наметить пути дальнейшей работы.

Наконец нам кажется, что давно назрела необходимость снова собрать членов областных комиссий, чтобы обменяться мнениями по многим названным вопросам. И не грех было бы на такое дружеское собеседование пригласить всех тех писателей, которые приезжают в Москву на открывающиеся курсы-конференции.

В. НАПЛУН

ПО СТРАНИЦАМ ГАЗЕТ

1. ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНКУРС В ОБЛАСТНОЙ ГАЗЕТЕ

Хорошую инициативу проявили областные газеты «Лепинское зямля» и «Ленин туз» (Петропавловск, Казахская ССР). Эти газеты провели литературный конкурс на лучшее художественное произведение молодых писателей, поэтов и акынов. Написание газет было живейшим откликом среди молодых литераторов. Обе газеты получили 209 стихотворений, 19 пьес, около 70 рассказов, очерков и новелл.

Многие из полученных рассказов, повелл и стихотворений были опубликованы на страницах «Лепинского зямля» и «Ленин туз», вышедших три литературные страницы.

Авторы лучших произведений премированы. Решено подготовить к печати и издать литературный альманах из лучших произведений начинающих писателей и поэтов.

2. ПОЧЕМУ В ДАГЕСТАНЕ НЕ ИЗДАЕТСЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА?

Газета «Дагестанская правда» в одном из последних номеров выступает со статьей, резко критикующей работу дагестанского Госиздата.

«Дагиз не издает художественной литературы, — пишет газета. — Его руководители, видимо, считают, что в Дагестане можно обойтись без нее. Чем иначе объяснить, что в течение многих лет в Дагестане не издается художественная литература?»

Может быть нечего издавать? Напротив!

Народные поэты Дагестана — Паласса Гамзата и Абулалло Гафуров написали много замечательных стихотворений. Молодые талантливые писатели и поэты: Тагир Хрюкский, Капалев, Абдул Кагаб Сулейманов, Ашвар Алиев, Султанов, Мусаб Стальский и многие другие написали ряд рассказов и стихотворений, перевели с русского языка на язык народный Дагестана много произведений классиков.

Драматург Алимаша Салаватов написал пьесы «Партизаны», «Айгай».

Большинство этих произведений, как утверждает газета, лежат без движения в папках «Отдела художественной литературы Дагиза».

Почти год назад Дагиз создал специальное писательское бюро, где обсуждались планы издания художественной литературы за 1939 г. Предусматривалось издание на языках народов Дагестана произведений Пушкина, Горького, Маяковского, Шолохова, Островского, Сулеймана Стальского и т. д. Однако и этот план не осуществлен.

Стихотворения В. Брюсова

Издательство «Советский писатель» в ближайшие дни выпускает в малой серии «Библиотека поэта» томик стихотворений В. Я. Брюсова.

В томике помещены стихотворения из 14 сборников, вышедших при жизни поэта, из недавнего сборника «Сны человечества» и стихи, не вошедшие в книгу.

Книге приложена большая вступительная статья о жизни и творчестве В. Брюсова, написанная А. Островским. Ему же принадлежит редакция книги и примечания к ней.

ВЕЧЕРА КЛУБА ПИСАТЕЛЕЙ

Творческим вечером Веры Инбер, читавшей вчера свою новую поэму «Овидий», возобновились поэтические декады в Московском клубе писателей. Ближайшие декадные сессии поэтов будут посвящены П. Антокольскому, который будет читать свои новые стихи, творчеству ленинградских поэтов А. Гитовича, Е. Рыбиной, В. Лифшица и Б. Кежуба, приезжающих в Москву, и творчеству поэта Николая Осанова.

Помимо декадников, клуб писателей и секция поэтов устраивает чтение перевода А. Безыменского пьесы С. Галкина «Бар-Кохба».

Творческий вечер Переца Маркиша

Творческий вечер Переца Маркиша пригласил 23 октября в клуб МГУ большую аудиторию, тепло и сердечно приветствовавшую поэта.

Председательствующий народный артист СССР С. Михоэлс охарактеризовал Переца Маркиша как поэта, глубоко выражающего настроения и чаяния еврейского народа, его беспредельную любовь и преданность социалистическому Отечеству.

И. Исаков подчеркнул многогранность литературной деятельности Маркиша, создавшего значительные произведения не только в еврейской поэзии, но и в драматургии и художественной прозе.

Центром вечера было выступление самого поэта с чтением новых своих произведений. Он прочитал отрывки из драматической поэмы, сюжетной основой которой являются события великих переделовых лет 1930—32 года и акт из законченной им новой пьесы «Пир», намеченной к постановке в Государственном еврейском театре.

Артисты Госета исполнили сцену из пьесы «Семья Овалдис», С. Ротбаум прочитала балладу об Агееве. На русском языке М. Гарловский читал ряд стихотворений Переца Маркиша в переводе Л. Руст.

ПУШКИНСКОЕ ОБЩЕСТВО — КРАСНОЙ АРМИИ

ЛЕНИНГРАД. (По телеф. от наш. корр.). По инициативе депутата Верховного Совета СССР А. И. Толстого Пушкинское общество развертывает работу по культурному обслуживанию частей Красной Армии в Ленинградском военном округе.

Для разработки практических мероприятий правление общества выделило комиссию в составе товарищей А. Дамшца, Б. Мейлаха и В. Мануилова.

На днях члены комиссии были приняты в Политуправлении ЛВО.

НОВЫЕ КНИГИ

В издательстве «Художественная литература» вышли из печати:

Дени Дидро — Собрание сочинений в 10 томах, под общей редакцией И. К. Лупола.

Том II Статьи из «Энциклопедии», Вступительная статья, перевод и примечания Б. И. Пикова.

Том иллюстрированной репродукциями с гравюры того времени, изображающих различные технические процессы.

Федор Гладков — «Энергия». 1-я и 2-я книги. Роман автором значительно переработан.

Леонид Ленч — «Угрошение строительных». В сборнике юмористических рассказов и одноактная комедия «Заместитель».

ИЗВЕЩЕНИЕ

23 октября, в 8 часов вечера, партком союза советских писателей устраивает доклад проф. Кузнецова «Наука и техника будущего».

Доклад состоится в помещении Московского клуба писателей (ул. Вороньского, 50).

Редакционная коллегия: В. ВИШНЕВСКИЙ, А. КУЛАГИН (отв. редактор), В. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ, М. ЛИФШИЦ, Е. ПЕТРОВ, Н. ПОГОДИН, А. ФАДЕЕВ.

ЛИТФОНД СССР

ДОВОДИТ ДО СВЕДЕНИЯ ПИСАТЕЛЕЙ, что ДОМ ТВОРЧЕСТВА

В ЯЛТЕ ПРОДОЛЖАЕТ НОРМАЛЬНО ФУНКЦИОНИРОВАТЬ. Путевки предоставляются на обычных условиях.

ПРИЕМ ЗАЯВЛЕНИЙ В ДЕТСКИЙ САД ПРОДЛЕН ДО 30-го ОКТЯБРЯ 1939 г.

НАКАНУНЕ ВСТРЕЧИ

Недавно в бюро областных комиссий союза советских писателей пришло письмо из Свердловска. Приведем его полностью, опустив лишь незначительные детали.

«Только вчера бюро обкома ВКП(б) вынесло решение о созыве областного собрания писателей на 23 октября. Повестка для нас такова: 1) Творческое состояние организации, 2) Выборы правления и ревкомиссии, 3) Прием в союз писателей».

Очень просим вас комментировать к нам на это собрание кого-нибудь из членов нашей комиссии. Желательно, если вы в разное время были и нашими делами не занимались. Больше всего хочется, чтобы приехал Паустовский. Желательно, чтобы они прибыли пораньше, ознакомившись с произведениями писателей».

Вообще связь наша нарушилась. Нам никто не пишет, делами нашими никто не занимается и т. д. и т. д.

Это письмо мы прочли, знакомясь с черепицей бюро.

Областной съезд писателей для общности Свердловска — большое событие. К нему долго готовились, его давно ждали. В Свердловске живет и работает много талантливых писателей: Бажов — автор «Малахитовой шкатулки», Бондин, Савчук, Филиппова и другие.

В марте этого года в Свердловск приезжали писатели Роскин, Симонов и Михайлов. Но с тех пор связь оборвалась. На областное собрание писателей в Свердловске никто не приехал.

Мы привели это письмо неспроста. Оно очень показательное. Даже кратковременное знакомство с работой областных комиссий убеждает нас в том, что письма с жалобами на то, что «никто не занимается», могли бы с полным основанием приписать писателям очень многих других областей.

Литературная газета

№ 59

Ровно год назад президиумом союза советских писателей были созданы «комиссии для творческой помощи писателям, живущим в областях». Нужно было разрушить старые, бюрократические, ашпаратные методы руководства союзом. Решено было привлечь писателей Москвы к работе с писателями периферии: читать и разбирать их книги, переписываться по творческим вопросам, выезжать иногда на места, чтобы участвовать в организации литературной жизни области и т. д.

Было создано свыше двадцати областных комиссий. Вошло в них около 70 писателей. И при организации комиссий и на специальном совещании в феврале этого года было произнесено много хороших речей и пожеланий. Все сошлось на том, что комиссии эти должны быть сугубо творческими, состоять из прозаиков, поэтов, критиков; основной метод работы — разбор произведений, рецензии, творческие обсуждения, переписка, длительные выезды на места, вызов писателей в Москву для разбора книги или рукописи, творческие дискуссии и т. д.

Первое время многие областные комиссии работали очень активно. Московские писатели выезжали на творческие встречи, приглашали некоторых писателей и поэтов в Москву и горячо обсуждали здесь их творчество. Так, состоялся съезд с писателями Аристовым (Смоленск), Ольшопом (Иркутск), Полобоновым, Петровым, Сергеевым (Воронеж), с группой ленинградских поэтов и т. д.

До сих пор лучше других ведет работу Воронежская областная комиссия, в которую вошли писатели Кариев, Гехт, Швон, Мышковская, Плисок, Нустов. Многие из них побывали в Воронеже, обсуждали творчество воронежских писателей, выступали в центральной печати со статьями об их творчестве.

Мы беседовали с писателем М. Эгарт, возглавляющим работу творческих комиссий по 15 областям. Вот как он характеризует деятельность отдельных комиссий.

— По Горьковской области работает один Слетов. Остальные члены комиссии